

Колтёр

Журнал
Весёлых
И любознательных

№9
сентябрь
1999

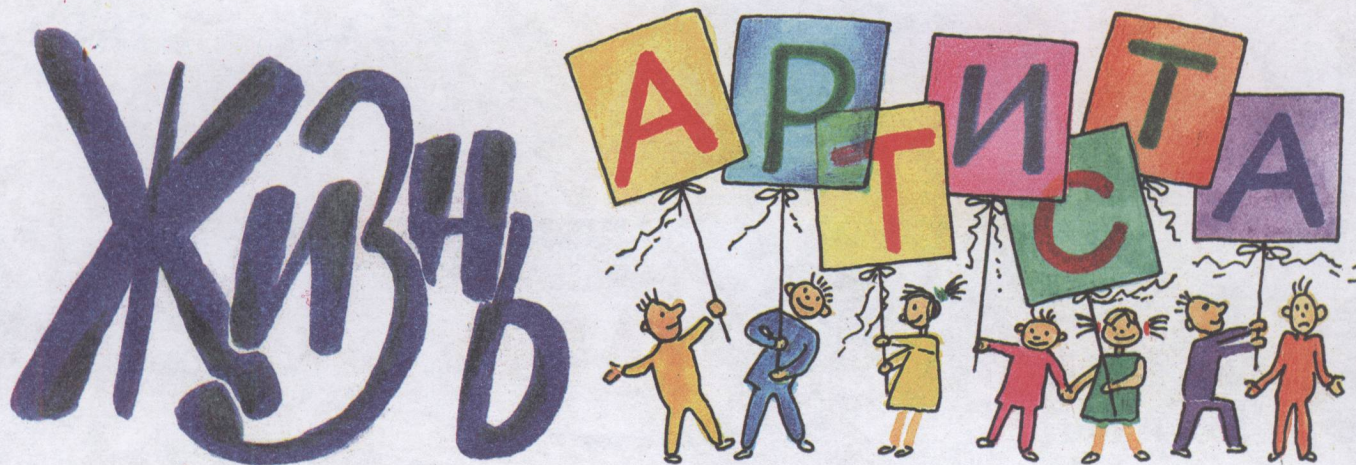
В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Школьная повесть

Великие открытия XX века

Весёлый звонок

Повесть
Часть первая

**ПЕТЬКА ПОНОМАРЕВ, ПО ПРОЗВИЩУ
МИМА**

Петька Пономарев был очень худой. Такой худой, что для него было не купить в магазине мальчиков брюки, не говоря уже о пиджаке. Поэтому он ходил в школу в чем придется.

У Петьки имелась еще одна особенность. Он показывал пантомимы. По поводу и без. Никто не мог сказать, откуда такие странности. Мама и та не могла. Петька, конечно, знал, но не распространялся. Кто счастливый, у того случается волшебный денек, когда вдруг видишь судьбу. Судьба будто снимает шапку-невидимку. На секунду. Тогда уже ясно, кто ты такой. Сапожник там или портной. Или банкир. А может, и художник. Хранишь потом этот денек в себе, в самой сердцевинке. Точно тайную записку в глубоком дупле дикого дерева...

Жизнь — загадка. Ток в проводнике. Бывает, сразу не поймешь, где «плюс», а где — «минус». Петька вот оказался не детсадовским ребенком. То есть, он ходил в детский сад три дня. Один день в одном месяце, другой — в другом и третий — в третьем. Остальные дни сидел дома с соплями. В лихорадке. В конце концов, мама его из сада исключила.

Вроде бы, чего радоваться? А оказалось, к хорошему, к судьбе.

Судьба поставила вопрос, куда мальчика девать. Уходить из фирмы мама не собиралась. Это было невозможно по той причине, что жили они вдвоем, фамилия у сына была мамина, а отчество дедушкино. Мама, естественно, должна была добывать деньги. Она хваталась за любую работу — приходилось быть схватчивой. Взяла и переучилась из контролеров ОТК в бухгалтеры. А главное, фирму себе нашла. С очень красивым названием. «Вереск»! Там тараканов уничтожали. Мама надеялась, что найдет няньку. Но выяснилось: няньки теперь много чего хотят. Попробуй, договорись с ними! С Петькой и то легче. Петька был хотя и развитой, но послушный. Не отвинчивал, не откручивал, не выпрыгивал... Даже гвозди в розетки не совал. Про розетки вообще разговор особый. Петька знал, что если перегорит свет, перестанет показывать телевизор. А это — ни в какие ворота!

Телевизор работал в доме круглыми сутками. Мама включала его, уходя на работу. Телевизор был у них вместо собаки, кошки, ну, или попугая. Вместо живого существа. Мама ставила на стол два термоса: с супом и с киселем — и захлопывала дверь. Петька оставался один на один с «Рекордом ВЦ». «Рекорд» светился — замечательный, цветной, фирменный: маме в фирме подарили, когда списали. У кого фирма побогаче, часто такие подарки делают. А Петьке с мамой и вовсе модель уникальная досталась — в этом телевизоре все люди словно водяными становились,

из-за сильно зеленого изображения. Петька смотрел и представлял, что находится в подводном царстве. Телевизор был друг, Петька все в нем любил, но особенно — «Ерлаш», вообще все смешное и про зверей.

В самые первые дни Петькиной самостоятельности мама не выдерживала, бежала с работы бегом. Врываясь в квартиру, хватала сына в охапку и ошупывала: цел ли. Но ребенок был жив-здоров, норовил упрыгнуть к телевизору, и постепенно мама успокоилась. Мама начала гордиться.

Гордость выплескивалась в такие слова: «Мой сын — мое утешение. Я всегда чувствовала, что на него можно будет положиться. Поэтому и дала ему имя Петр. "Петр" — значит, "камень, скала"».

Скоро все в мамином «АО "Вереск"» знали, как переvestи Петькино имя на древнегреческий. Только Петька себя нигде не переводил. Потому что как раз в это время телевизор явил ему «Лицедеев». Эти существа разговаривали без слов. Парили себе, как бабочки. Умирали от обиды, воскресали от счастья — жили... Наверное, они были смешные. Но Петька не мог смеяться, это было бы все равно, что хохотать над самим собой. Он обнаружил, что понимает их до дрожи, до смертельной любви. Глядя, как Асисья общается с миром, Петька потерял дар речи. Все пантомимы он смотрел стоя — на него напал столбняк.

Заверещал таймер. Он напомнил, что пора открывать термос с супом. Но с этих мгновений отлаженный режим полетел. Таймер надрывался, а Петька взволнованно

думал: «Что же едят Эти?» Ему было пять лет, и слова «мим!» он пока не знал, и много еще каких слов не знал. Но соображал быстро. Подумал минутку и решил: «Ну, уж гороховый суп — точно нет!».

Мимы для него были все равно что инопланетяне. Поэтому Петька суп не тронул, а кисель выпил поварешкой.

Когда мама пришла домой и привычно спросила, все ли съедено, Петька стал изображать. Он прыгал, жестикулировал, гримасничал. Мама, швырнув сумки, кинулась за градусником. Тормоша Петьку, стала всовывать ему градусник подмышку, спрашивая неизвестно у кого:

— Что с ним? Что с ребенком? Что с Петром?

Ей в голову не пришло, что пока она в своей бухгалтерии считала чужие деньги, сын ушел в артисты. Объяснить он ничего не смог, он заревел. Хуже нет, когда не понимают твой язык.

Так началась его жизнь мима. Эта жизнь была борьба.

Мама про Лицедеев и слушать не хотела, она считала их ненормальными, она мечтала, чтобы сын сделался генеральным директором. Серьезной фирмы. Но Петьку было не сломить. Ведь она сама дала ему имя Петр. А Петр значит — скала. В поисках выхода, мама стала выпускать Петьку во двор. Она говорила:

— Посмотри, сколько гуляет мальчиков, и ни один не показывает пантомим!

Пантомимы, в самом деле, не показывал никто. Скорость движения не позволяла. Двор кишмя кишел рокерами-брокерами. Актуальны были скэйты, ролики, на худой конец — велик, если без рук или с горки. Многие наловчились сдавать в аренду — у кого что было. Либо менялись. Торг шел бешеный.

Однажды, правда, главный брокер Гирия, который ходил в пятый класс, до Петьки снизошел. Предложил:

— Ну, давай, пляши!

Петька обрадовался, стал показывать свою лучшую пантомиму «Обед в ресторане». Гирия захохотал, плюнул и сквозь зубы процедил: «Арти-и-ст. Мима...» В его устах эти прекрасные слова звучали как ругательство. Все, хихикая, принялись играть в выбивалы с мячом и великом. Петьку в игру никто не позвал, даже за мячом бегать, если укатится. Но «артист» не заплакал. Просто понял, что он первый мим в своей семье и в своем дворе.

И вернулся в дом. Стал показывать пантомимы телевизору и постепенно рос. Так он дорос до первого класса. До первого «б».

Одноклассники на него смотрели, открыв рот. Искусство пантомимы никогда не было массовым. Чаще поют в хоре. Или в ансамбле. А Петька ничего не пел. Он к словам относился индифферентно — не запомнил. Он запомнил только движения — все перемены прыгал на руках или на голове, или еще на чем-нибудь, выворачиваясь наизнанку. И скоро к его вывертам привыкли. Привыкли же к тому, что Лебедев рыжий, а Бурдыкина переспрашивает на всех уроках. А раз привыкли, значит, перестали замечать. Это случилось в пятом классе.

БИССЕКТРИСА ИРАИДА ПАВЛОВНА

Школа была старая, и в ней архитекторы не запланировали актовое зала. Забыли, очевидно, про веселье, сконцентрировавшись на трудовых буднях. Директора Ираиду Павловну это огорчало. Ей нравились праздники. Всякие там новогодние карнавалы, концерты, хлопушки, балы. Разумеется, она об этом никому не докладывала. Это не вязалось с ее обликом. Она была величественная пожилая женщина на каблуках. Ребята называли ее Биссектриса. Она преподавала математику в средних и старших классах. Старшие в этой школе были девяты. На два девятых класса у Ираиды наскребалась всего одна пятерка в четверти. Как «Оскар».

Никому и в голову не приходило, о чем думала Биссектриса, когда она медленно двигалась по коридору, с журналом и деревянным транспортиром, рассекая перемену, точно броненосец — бурные волны. Перемена разбивалась у ее ног. Взгляд Ираиды Павловны гипнотизировал и хулиганов, и отличников, и тех, кто был ни рыба ни мясо. Под этим взглядом все замедлялось. Даже Петька Пономарев, по прозвищу Мима, вставал с затылка на ноги и испуганно краснел. А она сожалела: «Пономарев Петя, способный мальчик, а выступать негде. Талант должен тянуться вверх. Школа без сцены — это атавизм».

И Ираида Павловна в который раз начинала проигрывать проигрышную ситуацию: двигать по зданию кабинеты. «Предположим, школьный театр открыт. Но где дети станут заниматься? У учащихся две смены. Классы заняты с утра до вечера. А если все-таки "химию" кинуть в "труд", а из "пения" сделать "географию"?.. Нет, швейную машинку прожгут кислотой, а рояль ушибут глобусом и расстроят...» Ираида Павловна была реалисткой, она не умела показывать фокусов. От перемены мест слагаемых сумма упорно не менялась.

Тогда Биссектриса решилась на отчаянный шаг — позволить репетировать в своем собственном, директорском, кабинете, а сцену соорудить прямо в коридоре. Разборную. А занавес сшить из раскрашенной бязи небеленой.

Но Ираида Павловна правила уже 32 года и знала наверняка, что всякое хорошее дело должно быть хорошо организовано. Продумано. Все равно как Теорема Пифагора. И Ираида Павловна с удовольствием принялась продумывать теорему, которую она самой себе уже доказала.

ДЛИННАЯ ЛЕНКА — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР

Фамилия у Ленки была — Длинная. Самое забавное, что она и впрямь была длинная. К тому же, заикалась. Но ее никто не дразнил, потому что Длинная обладала железным характером. Таких дразни, не дразни: бесполезно, — не заплачет. Длинная сроду ни с кого не списывала, даже если сомневалась, как решать. Все равно искала выход сама. Она была поперечина. Вот все жуют «минтоны», а она — нет. Все врут, что забыли физкультурную форму, лень бегать круги по садику, а она, случись забыть, — в чем есть побежит. Длинная презирала, когда вранье — из выгоды. И когда трусят. А еще она единственная в классе сериалов не смотрела: ни бразильских, ни мексиканских. Аргентинские, и те не жаловала. Выдумки все это, фантики.

Фантики — отцовское слово. Для обозначения ерунды. Ленке от отца не только рост и фамилия достались, еще и характер, и словечко вот это.

В сериалах чуть с героем беда какая, сразу — бац! Амнезия. Потеря памяти, значит. Чего легче: забудь про не-

веселое и — вперед! Если бы в жизни так можно было... Ленка и рада думать, что отчим ей родной, да она отца помнит. А мать быстро привыкла. Фамилию даже сменила. Мать говорит, Горошкин — человек хороший. Так Ленка и не спорит. Если на то пошло, она сама предложила ему на матери жениться.

Когда отец на машине разбился, мать так горевала, что Ленка вовсе плакать разучилась. Чтоб мать не расстраивать. Мать ни есть, ни пить не хотела, только лежать, лицом к стенке. Или кричать.

Из нее горе наружу слезами выходило, а в Ленку все глубже, внутрь, влезало. Камнем. Но Ленка, как Оловянный солдатик, каждое утро сама вскакивала и мать уговаривала. Чаю ей сладкого нальет, расческу подсунет... А потом, что поделаешь, мать одну оставлять приходилось, Ленке-то надо было — портфель в руки, и в первый класс. Других детей родители провожали, а Длинная — сама, подумаешь, добежать по прямой, всего три перехода. Как раз сентябрь стоял, желуди с дубов падали, Ленка их подбирала: матери на гостинчик. Домой возвращается, а мать опять лежит. Ленка ей: «Да ты подойди к окошку, подойди к окошку-то! Смотри, осень какая рыжая!» Выгляни, мол, в окошко, дам тебе горошку.

Смешно... Фамилия отчима Горошкин оказалась. Горошкин мать в окне первый раз и увидел. Он в доме напротив рояль настраивал, настройщик одним словом.

Да нет, отчим не вредный, чупа-чупсу Ленке покупает, добрый даже, правда, нерешительный. Долго тогда к ним в гости ходил. Повод вечно искал для визита: у них рояль-то нет. Ну, придумает чего-нибудь. Мать немного как оживела. А Горошкин все на Ленку косился и вздыхал. У Ленки терпение кончилось, она Горошкину и говорит: «Да вы женитесь, я не возражаю». Он и женился. Камертон с собой принес: имущество свое. С какой стати возражать, матери жизнь портить, Ленка ей не враг. Жалко, конечно, разные они с матерью, хотя обе и Елены. Одна — Прекрасная, а вторая — Премудрая, отец говорил. Премудрая — Ленка.

Отец часто ей снится, будто он рядом. И запах, такой родной, ни с чем не спутаешь: металла и машинного масла, словно папка в комбинезоне своем рабочем. От Горошкина никогда металлом не пахнет, ластиками почему-то карандашными. Да ладно с ним, с Горошкиным. Сегодня отец во сне через лужи учил ее прыгать.

«Смелее, — говорит, — доча, на брызги внимания не обращай. Брызги — это так, фантики...»

Вроде, они все вместе по дороге идут. Мать прыгать не разрешает, обходить велит, а отец посмеивается: «Все лужи обойти невозможно, Елка». Он мать Елкой называл. Со-кращенно — от Елены. И потом — мать все зеленое любит. А у Ленки любимого цвета пока нет.

«Лужи замерзли, папа, — шепчет Ленка. — У нас зима давно, физкультура — в зале». «В зале пусть Пантешкин занимается», — слышится ей. То ли во сне, то ли в мыслях.

Ух, и надоел этот Пантешкин! Всем на свете недоволен: и что Биссектриса три задачи на контрольной дала, вместо двух, и что уроки из-за гриппа не отменили, и что новенькая, Надька Орешникова, по английскому у Ленки спрашивает, а не у него, и что про ученого Берцелиуса в «Энциклопедии» мало написано, а кто хочет на пятерку — надо про него побольше узнать. Отличнику, между прочим, и научные книжки почитать не вредно, а уж лишнюю задачку решить — подавно. Радовался бы, что учителя за бесплатно про великих людей рассказывают, о которых в учебнике ни слова. А может, учебник такие, как Пантешкин, составляли, разве что взрослые! Ишь, как взъелся, когда она про это сказала! Пантешкин хотел бы Ленку «достать» — это точно, да кишка тонка.

Пантешкину, в самом деле, кисло было. Вечно Длинная вылезет со своим длинным языком, чего ее все слушают! Она ведь не отличница, а Пантешкин — круглый, у него грамотность врожденная. Еще эта Оладья, «литературкина»... Длинную за сочинение похвалила, а его нет. Главное, при всех ему сладким голосом: «Правильно, но скучно». Откуда скука, если без ошибок?! Пантешкин белел от досады. Досада бродила в нем, точно молочный грибок в кефире. Руки чесались Длинную проучить. И он придумал, как. А что, нормалек, сейчас везде интриги, даже в правительстве, все знают.

На большой перемене, когда девчонок из класса выдуло. Пантешкин пробубнил, вроде, как себе, но еще и всему мужскому обществу:

— Железный характер, железный характер, это доказать надо, что железный!

— А как? — вдохновились мальчишки.

— Взять и украсть у Длинной мешок со сменной обувью. — И Пантешкин выразительно посмотрел при этом на хулигана Шорохова. — Зуб даю, к Биссектрисе побегит!

Хулиган Шорохов пожал плечами и сказал:

— Это можно.

А на улице трещал мороз, Красный нос.

Но Шорохов засунул в ведро со шваброй не Ленкин мешок, а ее подруги Орешниковой. Почему-то ему с Орешниковой больше захотелось пошутить, чем с Длинной. Хулиган и есть хулиган. Никогда не знаешь, что ему в голову стукнет. После уроков «в квадрате» Длинной — Орешниковой наблюдались переговоры. Мальчишки начали ухмыляться. Но дальше никто ничего не понял, потому что декабристки быстро надели рюкзаки, молча вышли за дверь и потопали по снегу в тапочках. Причем у Длинной мешок со сменной обувью в руках был.

Все, замерев, глазели, как они идут. Потом Пантешкин опомнился и визгливо вскричал:

— Ты, че, Шорох, «Момента» нанюхался? При чем тут Орешникова? У ее отца — «Мерс», последняя модель! Он же — крутой!

Шорохов открыв дверь на улицу и выглянул. А там ветер мел снег, все равно что дворник. На лицо Шорохову упала колючая снежинка. Может, даже сто снежинок. Шорохов растерянно усмехнулся и поехал:

— Бр-р.

Колючки, наверное, еще на кого-то упали, потому что в коридор влетел ветер. Семафорова возмутилась:

— Я про тебя, Шорохов, в газету напишу! Хулиган! Отдавай мешок, хоть Длинная мне и не подруга!

Ничего нового она не сказала. Шорохов и сам знал, что он — не подарок. А все знали, что Длинная ей не подруга. Мальчишки только удивились, откуда Семафорова моментально пронюхала про мешок? Но Семафорова была та еще пронира.

Девчонки сразу как проснулись. Начали галдеть и хлопать крыльями. Шорохов вскочил на подоконник и гаркнул:

— Кар, кар! Кукареку! Щас как спрыгну!

Девчонки завизжали, Семафорова пронзительнее всех. Но тут рот открыл Башкирцев, про прозвищу Башка, и все умолкли. Башкирцев никогда ничего не говорил, он был задумчивый, он только ел и толкался. Башкирцев открыл рот и высказал догадку:

— А может, у Длинной с Орешниковой низкий температурный режим, а? Как у рыб?

Все дружно посмотрели в окно. Длинная и Орешникова не оглядывались и не бежали, а шли спокойно, словно снег и не падал им в тапочки.

— Не может быть! — нервно опроверг Пантешкин. — Они же все-таки люди.

На самом-то деле, Длинная сказала Орешниковой:

— Лопнем, а не побежим. Пусть знают, что мы умеем прыгать через лужи. Подумаешь, юмор в коротких штанишках!

А на дворе было минус двадцать пять. Снег даже не таял у прохожих на ресницах. Что Длинная имела в виду, какие лужи? Но с ней потому и интересно, что она загадками говорит, мысли у нее не обычные. Орешникова покорно семенила рядом с Длинной и бормотала застывающими губами:

— Я тебе, Лен, ужасно благодарна. Я прямо не знаю, смогла бы я так же, как ты, если бы сапоги у меня в руках были.

— А ты волю воспитывай, — велела Длинная. — В обстоятельствах разных помогает. Мне вот помогло. Я теперь чупа-чупсу не ем, когда хочется, колу не пью, если жарко. И вообще... Я, может, плавать буду. На корабле. Бывает, так хочется уплыть. А то, давай вместе!

Орешникова впала в смятение:

— Я в артистки хочу. Мне роли нравятся. Не обижайся!

Длинная и не обиделась:

— А что, тебе можно. Ты — красивая. — И вдруг фыркнула: — Помнишь, как у них лица вытянулись: Пантешкин прямо похудел!

Они обе заикались от смеха и от холода и побежали, потому что из школьного окна их было уже не видно.

А для Шорохова этот вечер стал убийственным. Шорохов не знал, что теперь делать с Надькиными сапогами. В школе спрятать, а вдруг пропадут? А утром минус тридцать обещали. Как же Орешникова по морозу в тапках пойдет — она же не йог! Про «Мерс» Шорохов и не подумал, забыл на нервной почве.

До темноты Шорохов болтался по улицам с мешком. В полдесятого он поднялся на третий этаж, где жила Орешникова, и поставил сапоги перед их дверью, похожей на сейф из американского фильма. Он хотел уйти сразу, но покосился на дорогие красненькие сапожки и встревожился: «Факт, стащат. Мамка говорит, за мои резиновые два дня пол мыть в конторе надо. А за эти, небось, целый месяц...»

Шорохов набрал в легкие воздух, нажал на звонок и скатился по лестнице.

Пантешкин утром хотел в школу не идти, но пока кашу ел, прокачал ситуацию и успокоился, воспрял духом. Спрос не с отличника, а с хулигана, если в классе хулиганство. Вот так!

Однако никто крутой на «Мерсе» с громом и молниями в 5-й «б» не въехал, Биссектрисы тоже было не видать, правда, на стене красовалась газета «Ежик в тумане». Почти все место в газете занимал рисунок: хилый человечек фиолетового цвета стоял, подняв кверху проволочные ручки, будто сдавался. Только вместо белого флага он держал какой-то шарик с веревочкой, а изо рта у него шел пар. В пар были вписаны слова: «Не отдам мешок, не отдам мешок, амба!» Ага, значит, это не шарик был — мешок! Под рисунком приклеили статью Семафоровой. Статья называлась «Подлая шутка». Гордая Семафорова восседала на первой парте, сверху, точно на коне, и раздавала девчонкам автографы. Семафорова цвела.

Хулиган Шорохов делал вид, что на газету он плевал. Он сидел за своим местом и сопел. Перед самым звонком в класс вошли Длинная с Орешниковой. Живые и невредимые. Они даже не чихали. Длинная моментально сориентировалась и стала снимать газету.

Семафорова хлопала глазами. Пантешкин завертелся ужом, а Длинная спокойно изрекла:

— В Багдаде все спокойно.

Пятый «б» восхищенно смотрел на Длинную — характер у нее и впрямь оказался железным. Сердце у Пантешкина упало. А Шорохов вздохнул так глубоко, как будто он год не дышал. Самое смешное, что Шорохов был благодарен вовсе не Длинной, а ни с того, ни сего, Орешниковой. Ему на радостях захотелось немедленно что-нибудь сломать. Но на его счастье началась литература. Литература Шорохова всегда успокаивала.

Литература в 5-м «б» вела Оладушка.

ОЛАДУШКА, ПОДРУГА ХРИПЫ

Оладушка в класс не входила, а вкатывалась. Всем было интересно, как это у нее происходит, они на перемене до этого спорили, но ни до чего не доехали. Пантешкин доказывал, что все от толщины, мол, круглая, вот и катится, ведь у Оладьи практически нет углов. На что Шорохов приводил в пример Биссектрису, та тоже углами не страдает, а ходит, как памятник. Мима, Пономарев, валил все на врожденную пластику, Башка чего-то утверждал про малый удельный вес кости...

Хрипинков, сокращенно Хрипа, в спор не влезал, он формулировал плохо. Хрипа нетипичный, он до семи лет с бабушкой жил в деревне. Он когда на Оладью смотрел, бабушку свою вспоминал, Федосью Ивановну. В бабушке весу тоже много было, а двигалась она неслышно и не кричала никогда. Есть люди — им легче целый огород вскопать, чем улыбнуться кому-нибудь чужому. А бабушка Федосья зла ни на кого не держала. Ни на людей, ни на курей. Она цыплят вообще в дом вносила, когда мороз ударял. Цыплята к Хрипе на кровать забирались, а один цыпленок любил у окна сидеть. Жизнь через стекло рассматривать.

У Хрипы задумчивость почти всегда неважно. Но остальные в 5-м «б» на Оладушку тоже засматривались и стили. Класс осеняла редкая минута тишины. Хотя сподвигнуть их на тишину было почти невозможно. В 5-м «б» беспрестанно что-то взрывалось, заводилось, падало и кричало. Или дымилось. Да это и понятно. В среднем, не считая Хрипу, они учились лучше всех в школе. Если хотели. Знания бурлили в них, как лава в вулкане. Лава изливалась самым неожиданным образом. 5-й «б» был горазд на изобретения. Девочек там было всего десять, зато мальчиков — 21! Учителя, когда к ним шли на урок, так и говорили в учительской: «Я — на театр в пятый "б"». И обреченно хлопали дверью. Учителя пытались ввести их в рамки, точно индейцев в резервацию. Но не тут-то было! «Индейцы» стояли стеной. Они защищались.

Только от Оладушки не надо было защищаться. Она сама нуждалась в защите. Оладушка единственная из учителей краснела. Когда хулиган Шорохов задавал грубый вопрос, предположим, почему Герасим не родил детей от Татьяны, которой он ленты дарил, то есть Татьяна — от Герасима, глядишь, всем бы стало не до Муму, Оладушка вспыхивала нежным цветом. Прямо как алая зряя. И пожилая ведь женщина. А поди ж ты! Ни крикнуть, ни соврать не умеет. Биссектриса Оладью отчитывает, что шумно на уроке, они знают, отчитывает: Шорохов подслушал, а Оладья даже оправдаться не может, мол, шумно по теме; из всеобщей заинтересованности. Мнется и краснеет. А они тогда про «Черную курицу» обсуждали, Мима-Пономарев предположил, что она — полтергейст, курица, а Длинная сказала, что Алеша все равно предатель, ну, и началось! К тому же, Хрипа высказался, что у курицы сердце очень бьется, если ее в руки взять, лучше не брать и вообще не мучить! Скорлупкина слушала, слушала и заплакала. Когда «Муму» проходили, она тоже ревела, чувствительная чересчур, вот что! А Хрипа нормальным голосом говорить не умеет, только криком — физик в соседнем кабинете терпел, терпел, а потом выскочил и нажаловался, что у Софьи Николаевны Оладушкиной не урок, а срыв всех остальных уроков. А Биссектриса, что же, директор, ей положено за порядком следить... Словом, «индейцы» договорились: на Оладушкиных уроках сдерживаться, Хрипа пусть вообще молчит, раз шепотом не способен!

И Хрипа замолчал. Все, должно, думают: Хрипинков грубый, как жесть. Пантешкин считает, что Хрипа вовсе «у.о.». Конечно уж, не кружевной, не сахарный, но и не дурак. Оладью, ясно, жалеет. Неприспособленная она к действительности. Хрипа однажды засек ее в троллейбусе, как она в своем допотопном берете вздрагивала от контролера. Куда-то задевала пенсионерское удостоверение, может, обронила, а может, и дома оставила, размышляла, небось, про Муму. И чего контролер к ней прицепился,

глаз, что ли, нет? И без удостоверения видно, что Оладья давно не школьница. Хрипа дернулся контролера послать и заявить, что эта его учительница, да в последний момент вспомнил, что сам без билета, и что ругаться — грех, Оладья объясняла.

Хрипа мало кому в жизни хотел спасибо сказать, а Оладья хотела. Она про все им растолковывает, даже про что сама стесняется. Про ненормативную лексику, например. Так по-ученому мат называется. Хрипе теперь известно, откуда матерные выражения произошли, что они доподлинно значат, и почему это — следствие дикости. Отсталого родового строя. Дикости еще и татары добавили. Тринадцатый век, в общем, иго... Иго-го! Татаро-монголы на конях гикали, чтоб сокрушить, и выражались. У Хрипы сразу охота пропала — дикарем быть. Хрипа дикарей не на картинках видел, у него отец такой, особенно, если на работе деньги платят.

Тогда, в троллейбусе, Хрипа не досмотрел, чем дело кончилось, но Оладья пострадала, факт. Оладья — редкость, в Красную книгу таких надо заносить. Вот морских коров не занесли, а жаль, теперь их не сыщешь. Раньше-то плавали в Тихом океане, в соленом просторе, географ рассказывал, безобидные до потери пульса. Питались исключительно водорослями. Охотиться абсолютно не умели. Ни на кого. Не то, что человек, который на всех подряд. Хрипа внимательно слушал, география у них сразу после литературы. Хрипа с молчания на крик мгновенно переключиться не может, на географии по инерции тоже сидит тихо, само и запомнилось.

Оладья как морская корова, наверняка за всю жизнь никому ничего плохого не пожелала, кроме хорошего. Шорохову, и тому замечаний не делает, если он посреди урока вскакивает. Считает, видно, что это из любви к литературе. Сама не от мира сего, думает, что все такие. За сочинения колов и двоек не ставит. Ей главное — не ошибки, а чтоб мысли были. Свои мысли не каждому откроешь, а Оладья — можно, не страшно. Позавчера сочинение писали. У Хрипы там мысль была. Хрипа признался, что хотел бы стать Герасимом. Потому — глухонемому легче. Злости меньше наберешься. А то отец ругается, мать плачет, выскочишь на улицу: а там тоже самое, еще и похуже, в городе улицы — чистое наказание, душе тесно. Оладья, верно, тоже так думает, она Хрипе четверку с плюсом поставила. У Хрипы четверок отродясь не бывало, у него тройка-то редкая гостья. От неожиданности Хрипу даже в пар бросило, он на перемене свою четверочку фломастером

обвел, а Пантешкин подглядел и передернулся весь, как от кислого яблока:

— Ничего себе — прикол! — вздыбился Пантешкин. — За что Хрипе — плюс? По благу, что ли? Оладья — подру-га Хрипы!

Хрипа собрался в глаз ему плюнуть, змею, но тут Скорлупкина, тихоня из тихонь, на физкультуре тише всех бе-гает, ей Григ-Григ, физкультурник (Григорий Григорьевич, по-правильному), за скорость двойку с плюсом всегда ставит и говорит: «Слишком нежно, Скорлупкина!» — эта самая Скорлупкина молча от окна отклеилась, она кактус поливала, и вместо цветка полила Пантешкина. Видать, и у Скорлупкиной терпение не выдержало. Вода заструилась по Пантешкинскому бледному лбу.

— Во дает Скорлупкина! — восхитился Шорохов.

Пантешкин захлебнулся, зажмурился, зафыркал.

Мима тут же коня изобразил — такие у Казанского со-бора прохаживаются, горячими глазами косят, ушами тре-пещут, хотя, видно, вскачь или там, лягнуться, да нет воз-можности.

— Конь, конь! Пантеха — конь! — сообразил Башкир-цев. — Конь Троянский!

Пятый «б» одобрительно загудел. Правильно, руки прочь от Оладьи! А по чести сказать, каждый бы не возра-жал, чтоб Оладья была ему подругой. Семафорова, прав-да, одной ногой метнулась — Пантешкина пожалеть, но другая нога, осторожная, ее на месте удержала, со всеми вместе. Хрипа впервые тоже не с боку-припеку очутился, а в их компании. В компании — это все равно, что в одной стае. Гусей, к примеру. Или журавлей. Хрипа почувствовал себя точно в высокой траве, когда луг еще не скошен, можно спрятаться. И все благодаря Скорлупкиной. А она, видать, сама растерялась. Стоит теперь у окна, моргает. Хрипу вдруг в бок толкнуло: показалось ему, Скорлупкина на бабушкиного цыпленка похожа, на того, который все в окно смотрел. Такая же беспрокая. А крылышки то-о-не-нькие. И профиль, точь-в-точь птичий. В груди у Хрипы что-то больно сжалось, а потом наоборот, и потеплело. Будто сосулька внутри растаяла. От жалости к Скорлупки-ной, что ли. А может, еще от чего. Хрипа улыбнулся на своей последней парте как настоящий «у. о.».

Но тут перемена закончилась, и опять пошла литерату-ра: сдвоенный урок, географ заболел гриппом. Кому ра-дость, а кому горе, и все в один день, людей на Земле много, судьбе на всех не угодить.

Оладушка вкатилась в 5-й «б» еще быстрее, чем всегда:

— Ребятки, любите ли вы театр?

Все слегка оторопели. А она сразу быка за рога:

— У вас получится. Театр — увеличительное стекло жизни. Особенно в возрасте Ромео и Джульетты. На сломе тяжелых эпох!

Оладью занесло. С ней это бывает, от волнения.

— Чего делать-то надо? — хрипло спросил Шоро-хов. — Вы скажите!

— Поставим пьесу, — просияв лицом, возвестила Ола-дья. — Возьмем что-нибудь, с виду, простое, но с фанта-зией. Для души.

— Фэнтэзи? Про терминаторов, — выскочил мокрый Пантешкин.

Оладья близорукая, она и не углядела, что Пантешкин облитый, она вдаль не видит, только вглубь.

— Сядь, детка, отдышись. Терминаторы уйдут, а лите-ратура останется. Литература — это то, что вне моды. Го-голь, например. Николай Васильевич.

Длинная лоб наморщила:

— Гоголь — тот, у кого «Ночь перед Рождеством»? Разве это — просто? Я в библиотеке взяла: книжка толстая, в портфель не влезает. Начала читать — предложения длинные и все про ведьм...

Бурдыкина тут же руку подняла:

— А можно я побуду ведьмой? Дайте мне такую роль!

Шагаева с Семафоровой тоже не дремлют:

— Хорошие роли надо по жребию!

Пантешкин всегда подозревал: в каждой девчонке сидит ведьма, такая уж у них натура. Ишь, зашевелились! Пан-тешкин тоже бы от роли не отказался. Только от главной!

А Хрипе роли были ни к чему. Память у него тугая. Как несмазанный ворот в колодце. Да и воображает Хрипа медленно. Но в театре ведь не только роли, там еще деко-рации, мебель всякая. Где прибить, где привинтить, где поднять что-нибудь потребуется. Не Пантешкин же в груз-чики пойдет, слабак. И уж ясно, не Скорлупкина! Бабушка говорила, девушкам тяжелое поднимать вредно, им еще ро-жать надо. А Хрипа любой шкаф осилит, ему как с гуся вода, Хрипа сам как шкаф. И руки у него на месте. Так что не обойдутся без него в театре. Хрипа заметно повесе-лел.

Мима, тот и вовсе онемел от счастья. Он спал и видел: в театр поступить. Раньше надеялся: Асисяй его возьмет, да Асисяй в Америку уехал! Другие лицедеи, правда, еще выступают, да кто знает, дождутся ли, пока Мима выраст-ет, может, и их дальним ветром унесет.

— Меня возьмите! — взмолился Мима. — Хотя в эпи-зод или в массовку, пусть и в миманс, я согласен!

Орешникова сразучихнула: это правда, и про нее.

По классу пошли волны, как по морю.

Оладушка ничуть не удивилась.

— Успокойтесь, — говорит, — каждому найдется роль. Даже мне.

— Даже моему щенку? — пискнула Скорлупкина.

Никто и не подозревал, что у нее щенок.

— А какой породы? — справился Башка.

— Дворянской, — важно вымолвила Скорлупкина. И ни к селу, ни к городу добавила: — Потому что я — Ека-терина.

Хулиган Шорохов, естественно, не удержался:

— Ха! Дворяняга, дворянечка в царском дворе! Тогда чего нам Гоголь, давайте лучше «Муму»!

Пантешкин злорадно усмехнулся:

— Ага. Тогда я — Герасим!

Скорлупкина побледнела.

«Змеюга, щенка топить собрался», — понял Хрипа. И угрожающе побагровев, встал из-за парты. Багровел Хрипа классно. Как настоящий метис.

Пантешкин невольно съезжился.

— Ну ее, «Муму», — мотнув головой, сказал Хрипа. — Мы прошли ее уже. Лучшее Гоголя. У Гоголя, может, тоже про какую собаку есть.

Оладья прямо просветлела. Она полгода не слышала, чтобы Хрипа разговаривал.

— Возьмем Николая Васильевича, возьмем, — с чувством, как стихи, произнесла Оладья. — Если уж и Хрипинков за Гоголя!! У Гоголя — все есть. И про все.

— Во-во, — пробубнил Пантешкин. — Тоже мне, авторитет, Хрипа. Она и есть его подруга. За что тогда, спрашивается, меня облили? За правду!

Пантешкина почти никто не услышал. Не до Пантешкина тут, когда роли распределяются. Семафорова тоже в очередь за ролью побежала. Но она услышала. У Семафоровой всегда ушки на макушке. На всякий случай.

СЕМАФОРОВА, ДУБЛЕРША ПАНТЕШКИНА

Семафорова хотела бы стать экстрасеншей. Чтобы все про всех знать. Любопытство сидело у нее внутри, как мощный магнит. Чужие тайны и подробности так и притягивались к этому магниту. Подобно металлическим опилкам.

Когда Семафоровой был год, и два, и три, она, сопя, растаскивала на пружинки и винтики все, что попадалось под руку — от механической собаки до утюга фирмы «Бош». Веснушки на ее круглом лице чуть не лопались — узнать, что там, внутри. Свинчивать назад — ей было, конечно, уже не интересно.

Вечером родители входили как бы не в квартиру, а в лавку старьевщика. И с порога принимались ругаться.

— В кого такой ребенок! — топала ногой мама. — Ясно, не в меня! Я даже мясорубку разбирать не умею!

Когда мама топала ногой, падала люстра. Мама была крупная и осанистая рыжая блондинка. Ее хорошая фигура выросла на деревенском молоке.

— Ты мясорубку и собирать не умеешь! — парировал папа, моментально входя в раж. — Вообще, при чем здесь я? Я — мужчина! — При этих словах подбородок у него воинственно взлетал вверх, как качель. — Мужчины не ломают, мужчины чинят!

— Мужчине мясо! Мясо мне!!! — тут же вопил попугай.

Попугая звали Люля, по отчеству Кебаб. Попугай был папино наследство. Попугая приводили в восторг громкие голоса.

Семафорову тоже. Хотя, по правде сказать, тихими голосами в этой квартире никто и не разговаривал.

Семафорова стояла с открытым ртом и впитывала в себя скандал, как разлитый суп харчо — губка.

В семье бурлили южные гены, Семафоровой папа родился в Баку. Там прошло его детство, в интернациональном городе.

Зато мамино детство пролегло наоборот — через огороды в деревне Санково. Мама не любила про это вспоминать. В Санково не было никакой светской жизни, а из косметики одни огурцы на грядках. Но огурцы росли здесь не для масок по выведению веснушек, а для банок. Санково было как стоячее болото. Мама не терпела закатывать банки, ее привлекали перемены, большие и маленькие. Едва дождавшись аттестата зрелости, мама умчалась поступать в Педагогический институт. И не в ближнюю Тверь, а в дальний Питер.

На первой же дискотеке в институте мама познакомилась с папой. Папа сразил ее наповал своим акцентом и жгучими черными волосами. Мама тогда еще не знала, что он — Семафоров. Она думала, что он азербайджанец. Азербайджанцы для мамы были все равно что испанцы. Пока она сообразила, что папа — так, перекаати-поле, русский Гори, сын военного, было уже поздно. Они поженились. Конечно, денег на свадьбу не было, на квартиру тоже. Но родители с обеих сторон, из Баку и из Санково, сбрились и купили. В России родителям положено обеспечить детей до старости. Такая традиция. Не то, что где-нибудь за границей... Короче, мама не доучилась на учительницу. Папа, правда, доучился до инженера, он в Педагогический только на танцы ходил, образование получал в другом месте. Но образование теперь никуда не денешь.

— Образование не кормит, Семафоров! У тебя жена и ребенок! — крикнула мама, когда ребенку пошел четвертый год.

К тому времени, ребенок чувствовал себя в стихии скандала, как рыба в воде. Разбираться в семейной жизни было гораздо интереснее, чем в механизмах. Семейная жизнь, между прочим, тоже механизм. Причем, более захватывающий. Он захватывает человека всего сразу, целиком, без остатка.

Папа сел за баранку и занялся извозом, а мама с легкостью нырнула в челночную заводь. У «челнока» дни полны приключений. «Челнок» — тот же контрабандист — таможи, границы, возможно даже, погони. А главное, полные сумки вещей. С заграничными ярлыками. Вещами родители с соседками расплачивались. За то, что те сидели с их ребенком. Они сидели с ним на лавочке, как и положено старушкам, и обсуждали, что происходит в округ. Обсуждения напоминали кавказские песни: что вижу, то пою. Семафорова слушала с жадностью все подряд. Семафорову звали Светой, она удалась блондинкой, как и мама. И такая же была удалая. Ей удалось узнать много нового. Про мужчин, про женщин и вообще. На радостях, она щедро поделилась своими новостями с родителями, вернувшимися из походов. Родители впали в ужас до такой степени, что сокрушили квартиру и друг друга. Даже Люля, любивший шум, не выдержал децибелов и улетел в форточку безвозвратно. А Свете хоть бы что. Она даже не потрещала из-за попугая. Страдать она не умела пока.

С ликованием тараща глаза, Семафорова наблюдала, как вокруг нее изливалась лава. Заманчиво находиться в эпицентре. Пусть и вулкана.

— Воспитывать твое дело! Ты училась на воспитательницу! — возмущенно взревел папа.

— А по чьей вине я не доучилась?! — Мама топнула двумя ногами.

В результате ребенку наняли гувернантку, из «Мэри Поппинс». Так называлась контора, откуда выпархивали воспитательницы, обученные скорыми методами. Воспитательницу звали Сиреной. Для Семафоровой она была просто клад. От старушек гувернантка ушла на три века вперед. В своем самообразовании. С гувернанткой родители расплачивались косметикой и сигаретами. К счастью, недолго. Внезапно они обнаружили, что ребенка пора отдавать в школу.

Ребенок был счастлив. Семафорова Света снимала нектар со всего. Как ооска. И не уставала кружить. В школе были уроки, перемены, туалеты, коридоры, учительская, продленка, раздевалка — информации воз! Первклассни-

ца Семафорова кружила по школе до шести вечера. Она притаскивалась домой, переполненная впечатлениями настолько, что засыпала до ужина. Если он был...

Что Семафорова ненавидела — так это каникулы. Каникулы представляли собой лысый сезон, с минимумом действующих лиц и событий. Без новостей Семафорова начинала вянуть. Как цветок-вьюнок, если ему не за что ухватиться. Разве что сериалы смотреть с утра до вечера. Но какой с них толк, если обсудить не с кем!

Училась Семафорова то прекрасно, то ужасно. По всем предметам. В зависимости от того, кто за нее отвечал. Если папа — выбивалась вперед по математике и физкультуре. Если мама, то по почерку. Если телефон, то по истории с географией. Телефон — это когда папа с мамой звонили ей из разных мест по мобильникам и воспитывали на ходу. Семафорова деловито расспрашивала у них про климат и заполняла тетрадь для практических работ по географии. Хотя, пожалуй, история интересовала ее сильнее всего.

Однажды ее даже Пантешкин похвалил. Получилось так.

Историчка Изольда Гвидовна любила устраивать вместо контрольных турниры «Что? Где? Когда?». Колонке Семафоровой выпал вопрос: «Что такое — снег полоть?». Неожиданно для самой себя Семафорова выпалила:

— Снег пололи — так гадали! Подбрасывали снежинки вверх и наблюдали, как станут падать. Если ровно и звонко — быть девушке скоро замужем!

Кто бы сказал, откуда Семафорова это помнит! Однако их колонка лидировала. А колонка Пантешкина — нет. Хотя на ней сидели и Длинная — умница-разумница, и красавица Орешникова, и философ Башка.

— Все-то ты знаешь, Семафорова, — с нажимом на «з» констатировал Пантешкин. Слова у него вышли выпуклые, как в книжке для слепых.

Хулиган Шорохов немедленно сохмил:

— Ну, Семафорова, погоди!

Семафорова покраснела от удовольствия. А Пантешкин побледнел. Он вообще бледнел чаще, чем краснел. Багаж знаний у него был тяжелый. Трудно, небось, тащить такой в одиночку. Особенно, когда получаешь от судьбы по носу. Как знать, может, Семафорова даже согласилась — тащить этот багаж вместе. Все-таки она Пантешкина слегка уважала, она всех уважала, кто информацией владел.

«Но это чисто гипотетически», — сказала Света мысленно. Иногда ей нравилось обращаться к своему внутреннему «я» мудреными словами. По сути, Семафорова была кошка, которая бродила сама по себе. Друзей у нее вообще-то не было. Кто ж согласится, чтобы его разбирали на винтики и пружинки, а потом так бы и оставили? Семафорова всегда была как бы в гуще, а все равно — сбоку и над. Она даже голову слегка наклоняла, когда всматривалась. словно фотографировала внутренним взором для дальнейшего рассматривания. В Семафоровой постоянно боролись чувство с мыслью. Чувства были как бабочки, а мысли — как иголки. Вот захочется ей, например, Пантешкина пожалеть, что он мокрый и обсмеянный, она уже даже знает, что ему скажет: «Пиши, Пантешкин, в ООН, ссылайся на Конвенцию о правах ребенка», а тут мысль — хоп! и прищиплит бабочку на острие. «Замуж за Пантешкина выходить нельзя, такой с потрохами съест, будет бороться за справедливость, вон, у него зубы какие острые!» Или, допустим, вот уж совсем решит она сказать Скорлупкиной, просто так: «Давай дружить!», а мысль тут как тут: «Она собаку на помойке подобрала, может, собака заразная, или там, лишайная». И расхочется дружить.

Когда Оля про театр начала распинаться, для Семафоровой просто пир настал. Для чувств и для мыслей. Какое-то время они даже не боролись, а терпели друг друга, сидели на пиру рядышком, чувства и мысли, квас медовый пили, по усам текло, а в рот не попало.

В главные сразу Орешникову выбрали и Длинную.

— Посмотрите, — заставила Оля, — у Орешниковой Нади глаза как вишни, точно с нее Николай Васильевич Оксану писал!

И все заахали, как припадочные, Орешниковой в глаза стали заглядывать. А чего в них высматривать? Ну, Оксану эту Семафорова с трудом, но стерпела, все равно у нее слов мало: «Хороша я, хороша», и весь разговор. Когда начнут представлять спектакль, в зале точно все зайдутся от хохота. Орешникова будет как клоун. Зато уж чтобы Вакулу Длинной отдать, это вообще глупости, английский театр, что ли, времен Шекспира? Да у них мальчиков — 21 человек! И потом, Длинная заикается, заик вообще не принимают в Театральный, у них же экзамен там, этот, по дикторству, нужно сдавать.

— Длинная в классе выше всех — и по росту, и по состоянию души! — продолжала выступать Оля.

— Да она же — девочка, Софья Николаевна, — бросилась в атаку Семафорова. — А Вакула, вы сами сказали, мужчина и кузнец. Кузнец счастье кует. Я предлагаю Пантешкина — в Вакулы, Пантешкин — отличник. Может, тоже знает, как ковать! И он наверняка «Ночь перед Рождеством» уже прочитал! Вот вы спросите, читал ее еще кто-нибудь?

— Я кино видел, — выставил Лебедев. — Но там Вакула сильный. А Пантешкин Орешникову не поднимет. Башка только поднимет. Может, кто еще видел? Вакула там как акула!

— Не-а, я не видел, — загоготал Шорохов. — Что я, рыжий?

Разумеется, все захихикали. Лебедев был как раз рыжий. А еще у него было два прозвища — Лебедь Дикий и Глиста во фраке. Лебедева чуть ветром не сносило. Вылитый Кощей! Он вечно всех стеснялся, и перед физкультурой переодевался в туалете, как барышня.

— Это же очень интересно, если Лена Длинная перевоплотится в украинского парубка, такое поле для творчества, — не сдавалась романтичная Оля. — А Башкирцев, что же, он, действительно, сильный, может быть у Лены дублером. Вы все можете стать дублерами друг друга!

— Предположим, Семафорова — дублерша Пантешкина, — пропела вдруг Длинная. Она когда волновалась, всегда пела, чтобы не заикаться, все привыкли. — Семафорова — дублерша Пантешкина, — на роль Солохи!

— Бабы-Яги, что-ли? — поперхнулся Пантешкин.

— Не Бабы и не Яги, — спокойно объяснила Длинная. — Ведьмочки.

А в этом что-то было... У Семафоровой даже мороз пошел по коже.

Продолжение в следующем номере

Рис. Л. Уральской

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКУР

Фото Славы Гурецкого

Сергея ЖУКОВА и Алексея ПОТЕХИНА не знают только ленивые. Авторы и исполнители супер-популярных хитов «Мальш» (кстати, пел ребенок, а не компьютер), «Студент», «Крошка моя», «Чужие губы», «Лучший парень» и многих других — классные собеседники с чувством юмора. Общение с ними получилось крайне приятным и интересным.

— «Руки вверх!» Почему выбрали для группы такое название?

— Да просто так! Мы хотели, чтобы руки поднимались не на темных улицах под дулом, а тогда, когда людям хорошо и весело, когда можно покричать от радости и попрыгать на вечеринках. Так что сдавайтесь в музыкальный плен!

— Ребята, у вас как появится песня, так ее долго-долго везде крутят. Почему бы не записать побольше новых?

— У нас материалов как минимум на два альбома! Если бы выпускали все песни, было бы по альбому в месяц. Но система шоу-бизнеса диктует свои законы: пока продается альбом, следующий выпускать нельзя, а то потеряется имидж. Да и музыку надо делать не тяп-ляп. А качество требует времени!

— Сами свою музыку слушаете?

— Нет! Это ужасно! Все равно, что есть каждый день одну картошку. А если серьезно, то каждая песня связана с определенным моментом жизни. Они принимают какую-то энергетику, и потом нам тяжело к ним возвращаться.

— Как вы относитесь к тому, что вас воспринимают несерьезно?

— А мы не стараемся кому-то что-то доказать. Просто делаем музыку. Мы считаем себя молодыми в музыке. А это значит — нужно делать, делать и делать. Сил и энергии у нас хватит. Пока есть слушатели, есть и мы. Хотим написать песню, которая стала бы хитом лет на двадцать. Это мечта каждого исполнителя. Мы такую песню напишем, обещаем. Ведь если не пообещать, то можно и не сделать.

— А какой нужно быть девушкой, чтобы вам понравиться? Об этом спрашивают в своих письмах читательницы «Костра».

— Главное не внешность. Нужно просто быть собой. Пусть девушки извинят нас, но на концертах большинство поклонниц способны только визжать. Как тут можно говорить о серьезных отношениях? Другое дело, если девушка спокойная, если есть в ней неприступность и загадочность. Нам нравятся девушки, которые хранят в себе какую-то тайну, необычность. Единственная беда — нам нравятся девчонки одного типа. Песня «Студент» как раз про это. Хотя ситуация там немного утрирована.

— Популярность не мешает?

— Автомобилей у нас нет, и когда рассчитываешь время на дорогу, всегда прибавляешь в запас полчаса. Если узнают в метро или автобусе, налетает толпа. То же самое в магазинах, в кафе. В одном бистро нам принесли кипу салфеток для автографов. Спокойно не поесть. Но с другой стороны, это приятно.

— У вас есть фан-клуб?

— Есть. И мы ждем любой информации — всему будем рады. Ругайте, хвалите, присылайте кассеты, если считаете себя творческой личностью! Адрес: 115404, Москва, а/я 20, Жанне. Это человек, который занимается корреспонденцией. Все письма сортирует и передает нам лично в руки. Так что — пишите!

Беседу вела Анастасия НЕДОПЕКИНА

НИКОЛАЙ ЗАХАРОВ

ПЕРВОЕ СЕЧЕНЬЯ

Сегодня в квартире особенный шум,
Родные с утра на ходу:
Надену отглаженный новый костюм
И в школу с цветами пойду!

Шагаю степенно — и важен, и строг,
А мысленно вижу наш класс:
Мне хочется мчаться, не чувствуя ног,
Но шепчет костюм: «Не сейчас!»

Потом я сижу на уроке молчком;
Ответ не приходит на ум...
Позвать бы на помощь Петрова щелчком,
«Ты что!» — протестует костюм.

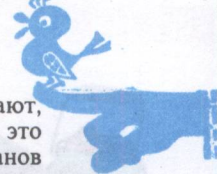
Вся школа вокруг в перемену гудит,
Кричат и воюют друзья,
И хочется к ним, но костюм не велит,
И держит на месте: «Нельзя!»

А дома спросили: «Ты что так угрюм?»
И я отвечаю: «Сейчас
Запрячу подальше свой новый костюм,
Ведь мне мой обычный — как раз!»

Рис. В. Иванова

Рис. Н. Якубовской

В нашу экспедицию «Живая вода» на берегу Оленезжского озера на Венской возвышенности собрались ребята из разных городов. Поговорить с ними у самого настоящего костра о том, с каким настроением они собираются в школу, мы попросили наших юнкоров Алису КАРГАПолову и Мишу ПОБЕДИНСКОГО. Итак...

Опять рано вставать? Опять домашние задания? Я — человек настроения. Бывает, захочу — и ничего не буду делать. Но в школу идти придется. Опять будут проблемы с учителями из-за неправильно поставленных оценок. И из-за непонимания. А с ребятами проблем нет. У нас хороший класс!

Юля ДРУЖКОВА,
Ярославль

Первого сентября пойду в школу с грустью — это последний, 11-й класс. Люблю школу за все-все-все! Хотя иногда возникает непонимание с учителями. Потому что они не хотят выслушать наше мнение, упрямо стоят на своем. А потом еще удивляются, что мы им хамим! Да они подругому не понимают! Я на уроках люблю иногда выступить, а они не всегда разделяют мое стремление потрещать языком.

Мария ЛИСИЦКАЯ,
Петербург

Жду 1 сентября как долгожданного праздника! Мне нравятся все уроки. Посещение их идет мне на пользу. Правда, кроме урока химии. Учительница страдает плохой памятью, забывает, как кого зовут, и постоянно всех ругает. О каком взаимопонимании тут можно говорить? А ведь оно необходимо! Учительница химии меня просто возмущает! А страх в школе возникает у меня только тогда, когда на коленках лежит шапгалка!

Катя ШИПИЛЬ,
Подпорожье

А я отношусь к 1-му сентября равнодушно — наверное, годы берут свое. Хотя учиться мне нравится, особенно заниматься физикой. Наверное, это моя будущая профессия. Больше всего в школе мне хотелось бы изменить отношение учителей и учеников, чтобы все стали дружной семьей и заботились друг о друге.

Дима КЛИНДУХ,
Колпино

Ой, как надоело все за 10 лет учебы! Учителя так любят портить

настроение радостным детям! Возмущают правила школьной жизни. Почему «учитель всегда прав»? Почему школа стремится сделать всех безнадежными идеалистами? Мне нравится дружить с честными людьми, которые искренне советуют тебе, как поступать в сложных ситуациях. Но такие люди мало встречаются в нашей жизни.

Дмитрий МИРОНОВ,
Тихвин

Первое сентября — суровая необходимость. Расцениваю учебу как долг перед родителями. Но вообще-то мне и самой нравится учиться. Жалко только, что у нас в школе проводится мало праздников. Может, нам самим проявить инициативу?

Ира СМЕРНОВА,
Бокситогорск

Школу люблю, но не рвусь в нее. Хотя, хочешь не хочешь, а идти все равно придется. Родители заставят. Они строгие. Не любят, когда вру. Например, получу двойку — и не скажу. А они дневник попросят. Тогда все! К другу не пустят, будешь сидеть и долбить. С алгеброй у меня не очень. Бывает, спросят, а у тебя заскок. Учитель думает, что ты не знаешь и ставит двойку. Это не справедливо, потому что своей племяннице, которая учится в нашем классе, учительница никогда двоек не ставит. Даже когда она совсем не учила. Мы разговаривали с учительницей на эту тему. А она сказала: «Ну и что? Потом выучит и сдаст!» А она потом даже и не подходит. У меня друзья в школе хорошие. Мы друг другу списывать даем. Как не дать, если сам сделал задание, а друг нет? Списываем бесплатно, у нас все не очень богатые. Одинаковые. Но одеваемся прилично. Есть, правда, у нас в классе один парень — у него папа владеет двумя магазинами. Так тот в плейере ходит и ест не в столовой, как все, а в буфете. В столовой всем кашу дают, а он пирожки себе покупает. Еще не-

сколько ребят перед ним заискивают, он им тоже поесть покупает. Но это дружба за деньги. Мы таких пацанов зовем предателями.

Женя МАЛЬЦЕВ,
пос. Плюсса

В школу и хочется, и нет. Снова учебники, снова о чем-то думать. А летом — красота, узнаешь не то, что требуется по программе, а то, что интересно. Моя мама учительница. В школе она строгая, а дома — обыкновенная мама. Обед готовит, квартиру убирает. Как все мамы. В школе как встретит меня, обязательно скажет: «Домой? Суп разогрей!» Девчонки стали даже посмеиваться. «Что же, — говорят, — она тебя в этот раз про суп не спросила?» Но я в школе не «любимчик». Ко мне тоже строго относятся. Труднее всех, наверное, новеньким. Знаю одну девочку — во дворе у нее столько друзей! А в школе она — никто. А ведь, может, ей просто трудно привыкнуть к новым людям. Еще мне жаль, что отменили пионерскую организацию. Было интересно, слеты, кружки, вожатые. А я до сих пор так и осталась октябренок. Хотели создать «Организацию непосед». Но стенд так и стоит пустой. Не прижилась организация. А вот походы и лагеря — очень скрепляют класс! Хотелось бы, чтобы это было!

Света ГОЛУБКОВА,
Тула

Соскучился по ребятам! Но как подумаешь про домашние задания... Родители будут зудеть: «Сделай уроки, сделай уроки!» Стихи по литературе учи, которые мне в жизни не пригодятся. Лучше бы все произведения по виду показывали! Если двойку получу, родители обычно меня гулять не пускают и телевизор выключают. У моего друга Сереги родители за отметки платят. Пятерку получил, дают десять рублей. Четверку — пять рублей. Если бы у меня так было, я бы лучше учился.

Дима БЛИНКОВ,
Москва

ПЛАНЕТА ХАНТ-ХОР

Приключенческая повесть*

ЕРУНДОВАЯ КОЛЮЧКА

ХОЧУ БОЛЬШОЙ АРБУЗ!

Вызвав спасательную команду, Витя Добряков полез обратно вверх по склону туда, где оставил больного друга. На миг у Вити возникло неприязненное чувство к зеленым человечкам, которые должны были прилететь. Но зато, тут же подумал он, спасательная команда спасет Славу Корзинкина и наверняка отправит их обратно на Землю. Надежда на скорое возвращение придала ему новые силы.

Но все равно, раньше чем Витя добрался до Славы, он заметил в темнеющем небе светящуюся точку. Точка приближалась и становилась все ярче и ярче.

Витя выбрался на площадку, где он оставил Славу. Тот лежал без движения. Казалось, он уже умер — голова его была откинута назад, глаза закрыты, а раздувавшаяся нога почернела и уже едва помещалась в штаны.

«Неужели гангрена? — с ужасом подумал Витя. — Неужели будут отрезать ногу?» А светящаяся точка тем временем превратилась в белый металлический шар размером с круглый обеденный стол. «Неужели они такие маленькие, что все в нем помещаются?» — поразился Витя. Он вдруг понял, что ни Слава, ни он сам не поместятся в этом шаре.

Летательный аппарат замедлил движение и завис над Славой примерно метрах в двух. Он не обращал никакого внимания на Витю, который притаился между камней.

Из шара вдруг вырвался яркий конус света, и в этом свете раздувшаяся Славина нога показалась Вите еще более страшной. Затем внутри широкого луча появился узкий лучик красного цвета. Он принялся бегать по больной ноге, словно что-то рисовал на ней. При этом лучик то вспыхивал ярко, то совсем угасал. Витя из-за камней хорошо видел всю операцию.

Сначала нога начала «потеть» — покрылась каплями белой жидкости, похожей на молоко. Потом стала медленно ужиматься в размерах, принимая свой первоначальный вид.

Витя не запомнил, сколько времени все это продолжалось — может, десять минут, может, полчаса, — неожиданно оба луча погасли, и сразу стало темно. Только с противоположной стороны Долины Желаний поднималась розовая луна, озаряя вершины далеких гор.

Шар ярко вспыхнул три раза, словно оповещая о завершении операции, и медленно поплыл вверх. Поднявшись метров на тридцать, он полетел вдоль по склону и скоро исчез за гребнем перевала.

Витя подполз к Славе и убедился, что тот дышит и даже слегка посапывает. Витя хотел было его растормошить, но потом передумал. Он вытащил спальные мешки из рюкзаков — на один перекинул Славу, а в другой забрался сам. Он так устал, что даже не стал разжигать электрокостер.

Из Долины Желаний дул легкий ветерок. Витя подошел ближе к спящему другу и прикрыл его от ветра. Он подумал, что опасное это все-таки дело — путешествие по незнакомым планетам. Наступишь на какую-нибудь ерундовую колючку — и ку-ку.

Все-таки им повезло — они успели добраться до Долины Желаний, и, действительно, его желание — вызвать спасательную команду — тут же исполнилось. Предвкушая, что же еще, какие чудеса, сулит им завтрашний день, Витя Добряков уснул.

Витя проснулся оттого, что Слава во сне громко чихнул. Витя открыл глаза и увидел Славу, закутанного в спальный мешок и сладко посапывающего. Луч солнца освещал его правый глаз. Слава улыбнулся во сне и еще раз громко чихнул. На этот раз он и сам проснулся и открыл глаза.

Оказалось, что он ничего не помнит, что с ним было, и тогда Витя рассказал Славе и про чудесное появление спасательной коробочки, и про летающий шар, и про разноцветные лучи...

— Классно! — восхитился Слава. — Жаль, что я ничего этого не помню.

— Да ты вообще лежал, как покойник!

— Не-ет, — возразил Слава, — никакой я теперь не покойник, а очень даже живой человек. — И он принялся вылезать из мешка.

Долина Желаний, освещенная розовыми лучами восходящего солнца, уже не казалась ребятам такой мрачной, как вчера. Друзья сжевали по несколько таблеток, запили их водичкой и вскоре были готовы к новым приключениям.

— Ну, и где же ты коробочку наколдовал? — поинтересовался Слава, спускаясь вслед за Витей в долину.

— Да вот здесь. Я еще об этот камень локтем ударился.

Слава подошел к указанному месту, протянул вперед обе руки и начал бубнить:

— Хочу арбуз. Хочу большой арбуз. Хочу большой-пребольшой, огромный и сладкий арбузище...

Но ничего в его руках не появилось.

— Ну вот, — разочарованно протянул Слава, — где же обещанные чудеса? Где же исполнение желаний? Даже арбуза паршивого не наколдовать...

* Окончание. Начало в № 8.

— Дай, я попробую, — сказал Витя.

Он тоже закрыл глаза, протянул вперед ладонь, потом сжал ее в кулак. Потом что-то неслышно пошептал губами.

— Получилось! — воскликнул он через несколько секунд и разжал кулак.

В кулаке лежала шоколадная конфета.

— Ух, ты! — восхитился Слава. — Из тебя классный колдун может получиться!

Он закрыл глаза и тоже «наколдовал» себе конфету.

— Арбуз, наверное, слишком большой, — жевая конфету, предположил Слава. — Надо сначала на маленьких вещах тренироваться.

И друзья принялись «тренироваться». Они наколдовали девять конфет, шесть кусков халвы, пять слив, три пряника, а под конец Витя выколдовал себе жареную котлету. Котлета, казалось, упала в его ладонь прямо со сковороды — такая она была горячая. Вите пришлось долго дуть на нее, перебрасывая с ладони на ладонь.

— Слушай, — сказал вдруг Слава, — что мы с тобой ерундой занимаемся? Надо идти в середину долины, туда, где на карте крест поставлен. Там, наверное, лучше всего колдуется.

— Верно! — подхватил Витя. — Уж там-то мы с тобой наколдуем!

И приятели зашагали дальше.

К центру долины путешественники подошли в середине дня. Красное солнце светило прямо над головой и отбрасывало короткие тени. По бледно-зеленому небу плыли легкие облачки салатного цвета.

— Ну, и где же твоя посадочная площадка? — спросил Слава. — Что-то не видно.

— Жаль, забраться не на что, — посоветовал Витя. — Хоть бы здесь дерево какое росло...

Не успел он произнести последние слова, как из серых камней с хрустом вылезло высокое сухое дерево, очень похожее на корягу.

— Вот это да! — восхитился Слава и, не долго раздумывая, полез по нему.

— Осторожнее! — кричал Витя. — А вдруг оно повалится?

— Ерунда! — крикнул в ответ Слава. — Тут падать не высоко.

Забравшись на дерево, он внимательно оглядел сверху окрестности и сообщил, что никаких посадочных площадок поблизости не наблюдается. Потом он спустился вниз и сразу же наколдовал себе большой арбуз, о котором давно мечтал. Витя тоже наколдовал себе арбуз, но поменьше.

Здесь, в центре долины, здорово колдовалось. Насытившись арбузами, Витя вспомнил про электрический вездеход, который он однажды видел в магазине. Вездеход этот стоит страшно дорого. Теперь же, стоило только ему подумать посильнее — и вездеход моментально оказался в его руках...

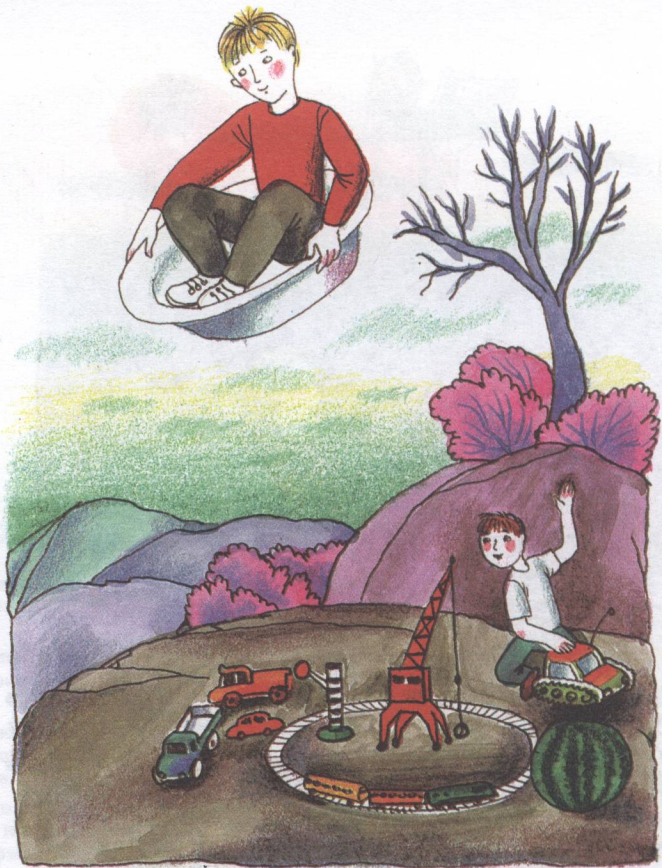
Друзья наколдовали себе много разных игрушек: несколько грузовых машинок, два экскаватора, подъемный кран, тягач с прицепом... Потом Витя наколдовал целую железную дорогу с рельсами, поездом и вагончиками.

Увлеченные игрой приятели и не заметили, как наступил вечер. Тени стали длиннее, в воздух — прохладнее.

— Слушай, — воскликнул Витя. — Я придумал! Давай летающую тарелку наколдуем и полетим на ней домой!

— Здорово! — восхитился Слава. — И как я это первым не догадался!

Друзья оторвались от игры, закрыли глаза и стали усиленно выколдовывать летающую тарелку. «Хочу тарелку. Хочу большую летающую тарелку», — так, примерно, думал каждый из них. Ребята даже вспотели от усердия. Но кончилось все тем, что рядом с ними свалился большой эмалированный таз.

— Ну и наколдовали, — удивился Витя. — Ты чего колдовал, признавайся!? Решил ноги помыть в тазике?

— Я нормально колдовал, — возмутился Слава. — Это ты напутал.

— Ничего я не путал. Я правильную тарелку колдовал. А это что такое? Какая же это летающая тарелка?

— А вот такая, — сказал Слава и уселся прямо в таз, подогнув ноги.

— А ну, таз, полетел, быстро! — уверенно приказал он.

И действительно — таз приподнялся метра на полтора, тяжело покачиваясь, пролетел метров десять и рухнул прямо в кусты вместе с новым инопланетянином.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Витя. — Инопланетянин на летающем тазу...

На ужин Слава наколдовал себе блины с клубничным вареньем, а Витя оладьи со сгущенкой. После чего они вдвоем наколдовали просторную палатку, куда затащили все свои игрушки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Под утро Вите Добрякову приснился сон. Будто идет он по полю и собирает букет ромашек для мамы. А ромашки огромные, почти ему по плечо...

Тут Витя проснулся и увидел над собой оранжевый скат палатки. Второй скат был зеленого цвета. Когда вечером друзья вместе колдовали над палаткой, Витя задумал оранжевую, а Слава — зеленую. Вот и получилось палатка двухцветная — одна половина зеленая, а другая — оранжевая.

Слава тоже проснулся и спросил:

— А эта откуда взялась?

По внутренней стенке палатки ползала живая оса и гудела.

— А ну, исчезни! — грозно приказал ей Витя.

Оса сразу исчезла, будто ее и не было.

— Куда это ты ее закинул? — удивился Слава.

— Туда, откуда прилетела. На Землю, наверное, а что?

— А может, и нам так же на Землю отправиться?

Витя в ответ только ошалело моргнул глазами.

В возбуждении ребята выскочили из палатки и увидели, что вся земля вокруг покрыта ромашками. А над цветами летают шмели, мотыльки, осы...

— Ух, ты! — воскликнул Витя. — Это я, наверное, во сне колдовал! Мне ведь ночью ромашки снились.

— Смотри, — заметил вдруг Слава, — как ромашки выросли: где гуще, где пореже...

— Ага, особенно вот там трава классная, — подтвердил Витя и указал в сторону от палатки.

— Слушай! — закричал Слава. — А может, там и есть центр долины? Там, где сильнее всего колдуется?

Приятель посмотрели друг на друга и, одна общая мысль пронзила их. Не говоря ни слова, они бросились к заветному месту.

Трава поднималась здесь в полный мальчишечий рост. Ребята остановились в ароматных зарослях и прислушались. Сердца их отчаянно колотились. Разгадка была близка! Так же и обратная дорога домой. Но вдаль поднимались таинственные и опасные горы планеты Хант-Хор, а по зеленому небу все еще медленно двигалось большое красное солнце.

Слава схватил Витю за руки и взволнованно прошептал:

— Добрыня, держись за меня, а я — за тебя. И будем вместе колдовать! Ты меня на Землю будешь отправлять, а я — тебя!

— Здорово! — воскликнул Витя.

У ребят уже кружилась голова, то ли от запаха цветов, то ли от острого желания поскорее вернуться на Землю. Они крепко схватились за руки, зажмурили глаза и зашептали — каждый по-своему: «Отправляю Добрыню на Землю! Хочу, чтобы Славка был на Земле! Витька, марш на Землю! Хочу, чтобы Корзинич улетел на Землю и я вместе с ним! Хочу, чтобы!.. На Землю!!!»

Друзья успели только почувствовать, как их ноги оторвались от поверхности планеты. А дальше — будто темный вихрь закружил их. От страха захватило дыхание, и оба они потеряли сознание...

Витя очнулся оттого, что кто-то тормозил его за плечо. Он открыл глаза и увидел ту самую лесную поляну, откуда они со Славой Корзинкиным отправились в необычайное путешествие на летающей тарелке.

Как же давно это было! Неужели прошло всего пять дней?!

— Просыпайся, Добрыня, прилетели! — тряс Слава Витю за плечо.

Витя тряхнул головой, сбрасывая остатки сна, и сел на траву. Голова его еще слегка кружилась.

А вокруг стояли такие знакомые земные деревья: березы, ели, осины... Бабочка-капустница лениво перелетела с цветка на цветок.

— Давай, раздевайся, — вдруг приказал Слава.

Только теперь Витя заметил, что Славина одежда разбросана по поляне, а сам он сидит на траве в одних трусах.

— Зачем? — оторопел Витя.

— Посмотрю, может, где-нибудь случайно кусманчик сохранился? — с надеждой проговорил Слава.

— Да ничего не осталось, точно говорю. Да и зачем он тебе?

— Жаль, — Слава погрузился. — Ничего на память не останется... Побегали, как дураки, в эти ромашки дурацкие. Все побросали... А какие машинки классные были?! Или электрокостер этот... Могли бы с собой взять. А теперь никто и не поверит, что мы побывали на другой планете.

Слава с досадой ударил кулаком по земле. Тут Витя неожиданно заметил на краю поляны свой бидон с малиной.

— Смотри-ка, бидон, — сказал он. — И никто не взял даже.

Витя подполз к бидону и заглянул внутрь. Потом достал несколько ягод и осторожно съел их.

— Нормальная малина, — сказал он, — очень даже свежая.

Слава тоже неохотно съел несколько ягод.

— Действительно, — подтвердил он. — А мой бидон на Хант-Хор остался...

Витя отставил бидон в сторонку и пополз на четвереньках, внимательно осматривая поляну, осторожно раздвигая траву. Через минуту он воскликнул:

— Нашел!

— Что ты там нашел?

— Нашел след от летающей тарелки!

Там, где когда-то стояла одна из посадочных опор летательного аппарата, трава была примята, и на земле виднелся отчетливый круглый след.

— Видишь, трава даже не успела распрямиться? — сказал Витя.

— Ну и что?

— А то, что мы возвратились в тот самый день, когда и улетели. Может быть, даже в тот же самый час! Там, на планете Хант-Хор, пять дней, а здесь, на Земле, совсем никакого времени не прошло!

— Ну... — недоверчиво протянул Слава. — Тогда уж точно никто не поверит, что мы на летающей тарелке путешествовали. Да еще на планету Хант-Хор. И ничем не докажешь... Скажут, выдумали все или — крыша поехала...

— Постой, — сказал Витя и полез в задний карман брюк.

Оттуда он вынул сложенную в несколько раз карту маршрута. Она уже здорово пообтрепалась, а один край был неровно оборван — этой полосой ребята разжигали костер.

— Вот, — сказал Витя. — Вот доказательство!

Слава с сомнением повертел в руках карту. Потом зачем-то пожевал ее за уголок.

— Скажут, сами нарисовали, — сказал он.

— Ну и наплевать, — сказал Витя. — Пускай не верят...

Он аккуратно сложил карту и засунул ее обратно в карман. Потом поднялся на ноги, взял свой бидон и зашагал к дому.

— А я свой бидон на другой планете оставил, — тяжело вздохнул Слава. — А скажи кому-нибудь — засмеют...

Вот так закончилось удивительное путешествие двух друзей Вити Добрякова и Славы Корзинкина. Каждому путешественнику приходит пора возвращаться домой. И не так уж важно — путешествие ли это на далекую планету Хант-Хор или просто поход за малиной. Обратная дорога домой всегда самая счастливая. И пока ребята бегут вниз по тропке к речке Петлянке, мы распрощаемся с ними, и будем надеяться, что в их жизни будет еще много разных удивительных приключений...

Рис. К. Почтенной

КРОССВОРД С ПОДСКАЗКАМИ

«Ученье — свет, а неученье — тьма»

Кончилось лето, настал новый учебный год. Для кого-то первый, а для кого-то последний школьный. У каждого человека свои мысли на этот счет. А что говорили о пользе учения великие люди? Отметьте записанные по ломаной линии фамилии авторов высказываний. Первые буквы фамилий выделены цветом, а в конце каждой подсказки в скобках указано количество букв фамилии. Из букв, которые останутся в таблице, составьте слово, обозначающее процесс передачи и приобретения знаний.

- «О сколько нам открытий чудных Готовит просвещенья дух И опыт, сын ошибок трудных, И гений, парадоксов друг, И случай, Бог изобретатель...».
- «Тяжело в ученье — легко в бою».
- «Воспитание — это все. Персик был когда-то горьким миндалем, а цветная капуста — это обычная капуста, получившая позднее высшее образование».
- «Считай несчастным тот день и тот час, в который ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию».
- «Человек... родился быть господином, повелителем, царем природы, но муд-

рость, с которой он должен править..., не дана ему от рождения: она приобретает учением».

- «Мудрость людей пропорциональна не их опыту, а их способности к его приобретению».
- «Настоящий ученик учится открывать неизвестное с помощью известного, и тем самым приближается к учителю».
- «Если ученик в школе не научился сам ничего творить, то и в жизни он всегда будет только подражать, копировать, так мало таких, которые бы, научившись копировать, умели сделать самостоятельные приложения этих сведений».
- «Книги — дети разума».
- «Счет и вычисления — основа порядка в голове».
- «Похвала немногих знающих людей важнее, чем насмешки многочисленных невежд».
- «Невежество — мать всех преступлений. Преступление прежде всего — неразумение».

ПОДСКАЗКИ:

1. Приведенные строки хорошо знакомы читателям «Костра» по рубрике «Великие открытия XX века». Там вы и найдете подсказку (6). 2. Автора этих строк, каким он был в детстве, вы видели на обложке нашего журнала в феврале 1997 года (7). 3. Литературный отец Тома Сойера (4). 4. Чешский педагог (1592—1670), автор книг и учебников (9). 5. Создатель неевклидовой геометрии (11). 6. О нем упоминается в анонсе школы «Искусства общения», которую вы найдете в этом номере (3). 7. А стихотворение этого поэта в переводе вашей ровесницы вы можете прочитать в рубрике «Есть книга вечная любви...» (4). 8. Автор романа «Война и мир» (7). 9. Создатель Гулливера (5). 10. Швейцарский педагог-демократ, чье имя стало нарицательным (10). 11. Создатель Дон Кихота (9). 12. Узнайте у родителей, кто написал эпопею «Человеческая комедия», куда вошли такие произведения, как «Гобсек», «Отец Горио» и другие (7).

Составила Л. АНДРЖЕЕВСКАЯ

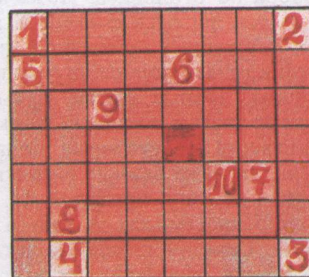
ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЕ В № 8, 1999 г.

Кроссворд с подсказками
1. Александр Пушкин. 2. Николай Языков. 3. Михаил Лермонтов. 4. Федор Тют-

чев. 5. Аполлон Майков. 6. Афанасий Фет. 7. Антон Чехов. 8. Иван Бунин. 9. Спирidon Дрожжин. 10. Валерий Брюсов. 11. Сергей Есенин. 12. Павел Васильев. Из оставшихся букв слово: ОТЧИЗНА.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Этот чайнворд прислала в редакцию двенадцатилетняя Марина ЧЕРТОВА из поселка Новоспасское Ульяновской области.

Вставьте пропущенные слова. Следующее слово в кроссворде начинается на ту букву, на которую оканчивается предыдущее.

- «В траве сидел». 2. «Зачем я дарил, сердечко твое бередили?». 3. «Прощайте, скалистые горы, на подвиг зовет!». 4. «На мелом ты рисуешь лето». 5. «Там за верят в нас и ждут». 6. «Не потому ль так часто и печально мы замолкаем, глядя в». 7. «Листья — это письма лета, что остались без ответа, что летят без в никуда-то, в никуда-то». 8. «В саду опустевшем далеко видна». 9. «В окно вливался сирени, в лучах луны дремал заглушенный сад». 10. «Страшно сидеть одной, если ночь и если , если нету сна и лишь луна смотрит из окна».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 8, 1999 г.

По горизонтали: 4. Ротвейлер. 7. Моль. 10. Зубр. 11. Опоссум. 12. Газель. 13. Тарпан. 15. Пойнтер. 16. Крот. 17. Тигр. 20. Бомбардир.

По вертикали: 1. Енот. 2. Осел. 3. Нерест. 5. Альбатрос. 6. Тушканчик. 8. Аполлон. 9. Муравей. 14. Анабас. 18. Морж. 19. Киви.

МНОГОЛИКИЕ ПОЛИМЕРЫ

История пластмассы

Если вдруг представить себе, что из квартиры исчезли все пластмассовые вещи, то пройдясь по комнатам мы обнаружим, что пропали корпуса телевизора, радиоприемника, магнитофона, будильника, утюга. Исчезли корпуса авторучек, фломастеров, полиэтиленовые обложки тетрадей.

По всей квартире не стало выключателей и розеток, а одежда осталась без пуговиц!

На кухне пропала мебельная облицовка — столы и полки безобразно оголились. Исчезли целые куски холодильника. А внутри него сметана и майонез расплзлись по полкам, лишившись привычной тары.

В ванной комнате полное опустошение: исчезли расчески, мыльницы, зубные щетки, бутылочки от шампуня, пластмассовые тазы и плетеный ящик для грязного белья, исчезла занавеска и некоторые мочалки, исчез душевой распылитель... и даже банные тапочки!..

Да, жуткая картина предстала бы перед нами, лишись мы мгновенно пластмассы. А ведь в прошлом веке ее не было вообще. Сегодня же она стала такой привычной частью нашего быта, что мы ее порой даже не замечаем.

Наряду с такими названиями как «космический век», «ядерный век», двадцатый век можно было бы назвать и «веком пластмассы». Постепенно она вытесняет такие привычные нам материалы, как бумага, дерево, керамика, металлы.

Чтобы понять, что такое полимер, нужно вспомнить, что все вещества состоят из молекул. Некоторые молекулы очень просты: молекула воды содержит всего один атом кислорода и два — водорода. Другие, напротив, сложны и громоздки, они образуют длинные ветвящиеся цепи. Именно такие вещества, состоящие из сложных многомерных молекул и называются полимерами.

Все пластмассы являются полимерами. Но кроме того к полимерам еще относятся синтетические ткани (нейлон, капрон), лаки, краски, синтетические резины.

Самые главные наши пластмассы это: полиэтилен, полистирол и поливинилхлорид. Существует огромное количество их разновидностей и марок. Все они образованы путем добавления различных полезных примесей и различаются способами приготовления.

Первый искусственный полимер — целлулоид был открыт и получен англичанином Паркесом еще в 1856 году. Наши дедушки и бабушки играли целлулоидными куклами. Именно целлулоиду мы обязаны появлением киноплёнок. До сих пор в настольный теннис играют целлулоидными шариками.

Такие полимеры как полистирол и поливинилхлорид были синтезированы еще в прошлом веке, но в начале XX-го века их пришлось открывать заново. В 1907 году они были получены в Бельгии Бакелендом, а в России химиком А. Г. Петровым.

Первая русская пластмасса появилась вблизи города Орехово-Зуево, где теперь расположен один из крупнейших наших химических заводов «Карболит».

Развитию химии полимеров содействовало развитие электро- и радиотехники в 20-х годах нашего века. Тогда срочно потребовались материалы с новыми конструктивными и изоляционными свойствами. Такой материал был создан — этрол. Из него делали всевозможные штурвалы, кнопки, корпуса приборов, рычаги переключения и многое другое.

Полистирол начали промышленно получать с 1927 года. Его пытались использовать вместо стекол в автомобилях и самолетах, но он оказался слишком хрупок. Его заменил другой полимер — полиметилметакрилат, более известный нам как оргстекло. А из полистирола стали делать каркасы радиокатушек, детали конденсаторов, панели приборов и изоляторов.

Во время второй мировой войны из полистирола удалось получить синтетический каучук, и на его основе создать дешевую синтетическую резину. А на рубеже 50-х годов из полистирола был получен полистирольный пенопласт.

Поливинилхлорид был открыт французом Реньо в 1935 году. Однако технология его получения методом прессования при нагревании была разработана русским химиком Остромысленским еще в 1912 году.

В 1937 году обнаружили, что при нагревании поливинилхлорида до 150 градусов с другим полимером (трифосфатом) он становится пластичным и сохраняет эти новые свои свойства даже после остывания. Новый материал оказался замечательным гибким изолятором.

Сегодня из поливинилхлорида делают не только изоляцию для проводов, но и шланги, игрушки. Из другой разновидности поливинилхлорида изготавливают различные пленочные изделия: скатерти, плащи, линолеумы.

Жесткий поливинилхлорид — винилпласт, благодаря своей устойчивости к коррозии, используется в виде листового материала, заменяя металлические покрытия.

Но королем пластмасс по праву считается полиэтилен. Хотя теоретически возможность получения его из этилена была доказана давно, долгое время создать полиэтилен не удавалось. Для этого требовалось оборудование, создающее давление в тысячи атмосфер, и специальный режим тепловой обработки.

Только в 1936 году в Советском Союзе был впервые получен полиэтилен. Свойства его оказались уникальными.

Сегодня в быту мы используем полиэтилен чаще всего в виде пакетов. Использовали — выбросили. Но в электротехнике полиэтилену нет равных в качестве диэлектрика. Его не берет никакая кислота, никакая щелочь. Это вещество, которое не гниет и не знает старости...

ШЕСТИЛАПЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Среди насекомых есть свои «интеллектуалы». Это муравьи. Они способны постоянно учиться, а попав в самую неожиданную ситуацию, умеют принимать «разумные» решения. Обучение для них совершенно необходимо. Если бы рабочие муравьи систематически не повышали свою «квалификацию», их семье вряд ли бы жилось так хорошо. И ничего удивительного в этом нет. Среди насекомых муравьи — долгожители. «Царицы» некоторых видов живут до двадцати лет, а рабочие муравьи — до семи. Так что опыт, приобретенный смолоту, может пригодиться и в старости. А самое главное в том, что эти насекомые живут огромными семьями. Любого муравья, научившись чему-нибудь новенькому, может тут же обучить двух-трех младших собратьев, а те, в свою очередь, — муравьишек следующего поколения. Так «открытие» одного муравья может стать всеобщим достоянием и будет передаваться из поколения в поколение. А научиться у старших особенно легко. У муравьев чрезвычайно сильно развит инстинкт подражания. Младшие с удовольствием повторяют все, что делают более опытные.

Понаблюдав внимательно за жизнью муравьиной семьи, нетрудно заметить, что не все ее члены в равной мере сообразительны. Среди сотен и тысяч обитателей их многоквартирного дома выделяется многочисленная группа наиболее активных, решительных, предприимчивых муравьев, которые и становятся заводилами любых коллективных дел. Ученые называют их лидерами. У насекомых разного пола умственные способности могут отличаться. У муравьев, вероятно, умнее самки, во всяком случае, мужская половина семьи обычно никакими талантами не блещет.

Чтобы успешно учиться, нужно обладать хорошей памятью. Муравьи на нее не жалуются. Активные заготовители, ведущие самостоятельный поиск пищи, хорошо знают свой охотничий участок и отлично помнят дорогу домой. Если муравьиному тропу перегородит замысловатым лабиринтом, эти трудяги, поблуждав по его закоулкам, в конце концов находят проход, а все замысловатые тропки лабиринта помнят не меньше четырех дней, даже если все это время им из-за плохой погоды пришлось безвылазно сидеть дома.

У муравьев развита не только зрительная память. Они обладают хорошим чувством времени и часто ими пользуются. Если невдалеке от кормовой дороги строго в определенные часы выставлять кормушку, то заготовители очень быстро запомнят время появления пищи и будут точно в срок собираться на этом участке. Уже после того, как их перестанут подкармливать, муравьи будут приходить сюда еще дней пять, точно соблюдая конкретное время.

В своем большом доме члены муравьиной семьи тесно друг с другом общаются, все делают сообща, во всем помогают сородичам. Но на охотничьем участке, во время сбора семян, у многих видов муравьев помогать другим не полагается. Так поступать предписывает им инстинкт, врожденная программа поведения. Она мешает им учиться охотничьим приемам, не позволяет спрашиваться с крупной и сильной добычей. Заготовители муравьев бегунков рассеяны по обширной территории и сталкива-

Еще один удивительный полимер — фторопласт. Иначе он называется — тефлон. Узнали? Совершенно верно — сковородки с тефлоновым покрытием.

Подшипники из фторопласта не нуждаются в смазке, а лыжи, покрытые фторопластовой пленкой, приобретают стремительное и всепогодное скольжение.

Многие из полимеров были изобретены советскими учеными. В их названиях отразились названия научных лабораторий, где они были созданы. Лавсан — Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии Наук. Фианит — Физический институт Академии Наук.

Исходным материалом для получения пластмасс служит искусственная смола. Для карболита ее, например, добывают из угля, для целлулоида — из дерева. Из нефти получают полиэтилен, полистирол, полихлорвинил. Из одной тонны нефти можно приготовить до 400 кг пластмассы.

Для слоистых пластиков берется бумага или ткань, пропитывается смолой, а затем пачку из нескольких листов под горячим прессом «сваривают» в тонкий и прочный лист пластика. Таким листовым пластиком отделывают торговые павильоны, салоны трамваев, троллейбусов, вагоны поездов метро. Аналогично получают и стеклопластик, используя тончайшую стеклянную нитку.

В качестве всевозможных упаковочных материалов полимеры уже почти полностью вытеснили своих конкурентов. Широко используются полимеры в сельском хозяйстве и строительном деле.

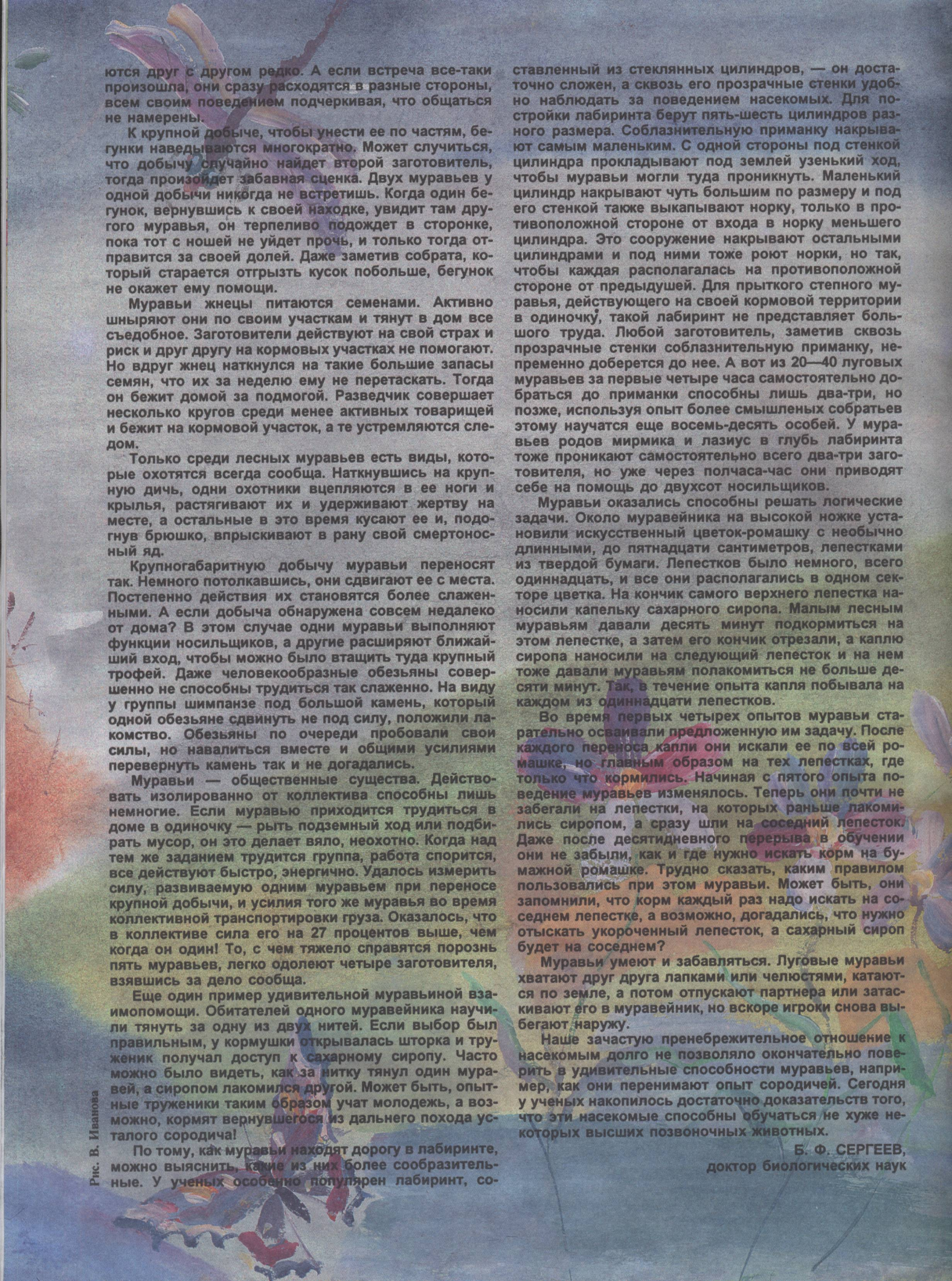
Одно время казалось, что найден универсальный материал на все случаи жизни. Но выяснилось, что у пластмасс есть и свои минусы.

Большинство из них — это горючие материалы. А если и не горючие, то такие, которые при высоких температурах выделяют опасные газообразные вещества. Кроме того, производство пластмасс является экологически грязным, так как связано с выделением различных ядовитых веществ. Возникают сложности и с утилизацией пластмасс. Известна поговорка: ломать — не строить. Но полимеры как раз тот случай, когда «сломать», разрушить пластмассу подчас гораздо сложнее, чем ее произвести. Отслужила вещь свой срок, куда ее деть? На свалку, но дерево сгниет, железо окислится и превратится в ржавчину, а пластмассовая бутылка будет сто лет валяться, и ничего ей не делается. А за сто лет по всему миру этих бутылок столько накопится!..

Если мы в ближайшие годы не научимся избавляться от ненужных нам пластмассовых вещей, то в XXI веке мир может превратиться в огромную свалку.

Поэтому работы химикам в грядущем столетии предстоит много. И не только по созданию полимеров с новыми свойствами, но и работы по уничтожению тех из них, которые уже отслужили свой срок и должны вернуться в естественный круговорот веществ.

Борис ВАРЛАМОВ

ются друг с другом редко. А если встреча все-таки произошла, они сразу расходятся в разные стороны, всем своим поведением подчеркивая, что общаться не намерены.

К крупной добыче, чтобы унести ее по частям, бегунки наведываются многократно. Может случиться, что добычу случайно найдет второй заготовитель, тогда произойдет забавная сценка. Двух муравьев у одной добычи никогда не встретишь. Когда один бегунок, вернувшись к своей находке, увидит там другого муравья, он терпеливо подождет в сторонке, пока тот с ношей не уйдет прочь, и только тогда отправится за своей долей. Даже заметив собрата, который старается отгрызть кусок побольше, бегунок не окажет ему помощи.

Муравьи жнецы питаются семенами. Активно шныряют они по своим участкам и тянут в дом все съедобное. Заготовители действуют на свой страх и риск и друг другу на кормовых участках не помогают. Но вдруг жнец наткнулся на такие большие запасы семян, что их за неделю ему не перетаскать. Тогда он бежит домой за подмогой. Разведчик совершает несколько кругов среди менее активных товарищей и бежит на кормовой участок, а те устремляются следом.

Только среди лесных муравьев есть виды, которые охотятся всегда сообща. Наткнувшись на крупную дичь, одни охотники вцепляются в ее ноги и крылья, растягивают их и удерживают жертву на месте, а остальные в это время кусают ее и, подогнув брюшко, впрыскивают в рану свой смертоносный яд.

Крупногабаритную добычу муравьи переносят так. Немного потолкавшись, они сдвигают ее с места. Постепенно действия их становятся более слаженными. А если добыча обнаружена совсем недалеко от дома? В этом случае одни муравьи выполняют функции носильщиков, а другие расширяют ближайший вход, чтобы можно было втащить туда крупный трофей. Даже человекообразные обезьяны совершенно не способны трудиться так слаженно. На виду у группы шимпанзе под большой камень, который одной обезьяне сдвинуть не под силу, положили лакомство. Обезьяны по очереди пробовали свои силы, но навалиться вместе и общими усилиями перевернуть камень так и не догадались.

Муравьи — общественные существа. Действовать изолированно от коллектива способны лишь немногие. Если муравью приходится трудиться в доме в одиночку — рыть подземный ход или подбирать мусор, он это делает вяло, неохотно. Когда над тем же заданием трудится группа, работа спорится, все действуют быстро, энергично. Удалось измерить силу, развиваемую одним муравьем при переносе крупной добычи, и усилия того же муравья во время коллективной транспортировки груза. Оказалось, что в коллективе сила его на 27 процентов выше, чем когда он один! То, с чем тяжело справятся порознь пять муравьев, легко одолеют четыре заготовителя, взявшись за дело сообща.

Еще один пример удивительной муравьиной взаимопомощи. Обитателей одного муравейника научили тянуть за одну из двух нитей. Если выбор был правильным, у кормушки открывалась шторка и труженик получал доступ к сахарному сиропу. Часто можно было видеть, как за нитку тянул один муравей, а сиропом лакомился другой. Может быть, опытные труженики таким образом учат молодежь, а возможно, кормят вернувшегося из дальнего похода усталого сородича!

По тому, как муравьи находят дорогу в лабиринте, можно выяснить, какие из них более сообразительные. У ученых особенно популярен лабиринт, со-

ставленный из стеклянных цилиндров, — он достаточно сложен, а сквозь его прозрачные стенки удобно наблюдать за поведением насекомых. Для постройки лабиринта берут пять-шесть цилиндров разного размера. Соблазнительную приманку накрывают самым маленьким. С одной стороны под стенкой цилиндра прокладывают под землей узенький ход, чтобы муравьи могли туда проникнуть. Маленький цилиндр накрывают чуть большим по размеру и под его стенкой также выкапывают норку, только в противоположной стороне от входа в норку меньшего цилиндра. Это сооружение накрывают остальными цилиндрами и под ними тоже роют норки, но так, чтобы каждая располагалась в противоположной стороне от предыдущей. Для прыткого степного муравья, действующего на своей кормовой территории в одиночку, такой лабиринт не представляет большого труда. Любой заготовитель, заметив сквозь прозрачные стенки соблазнительную приманку, непременно доберется до нее. А вот из 20—40 луговых муравьев за первые четыре часа самостоятельно добраться до приманки способны лишь два-три, но позже, используя опыт более смысленных собратьев этому научатся еще восемь-десять особей. У муравьев родов мирмика и лазису в глубь лабиринта тоже проникают самостоятельно всего два-три заготовителя, но уже через полчаса-час они приводят себе на помощь до двухсот носильщиков.

Муравьи оказались способны решать логические задачи. Около муравейника на высокой ножке установили искусственный цветок-ромашку с необычно длинными, до пятнадцати сантиметров, лепестками из твердой бумаги. Лепестков было немного, всего одиннадцать, и все они располагались в одном секторе цветка. На кончик самого верхнего лепестка наносили капельку сахарного сиропа. Малым лесным муравьям давали десять минут подкормиться на этом лепестке, а затем его кончик отрезали, а каплю сиропа наносили на следующий лепесток и на нем тоже давали муравьям полакомиться не больше десяти минут. Так, в течение опыта капля побывала на каждом из одиннадцати лепестков.

Во время первых четырех опытов муравьи старательно осваивали предложенную им задачу. После каждого переноса капли они искали ее по всей ромашке, но главным образом на тех лепестках, где только что кормились. Начиная с пятого опыта поведение муравьев изменялось. Теперь они почти не забегали на лепестки, на которых раньше лакомились сиропом, а сразу шли на соседний лепесток. Даже после десятидневного перерыва в обучении они не забыли, как и где нужно искать корм на бумажной ромашке. Трудно сказать, каким правилом пользовались при этом муравьи. Может быть, они запомнили, что корм каждый раз надо искать на соседнем лепестке, а возможно, догадались, что нужно отыскать укороченный лепесток, а сахарный сироп будет на соседнем?

Муравьи умеют и забавляться. Луговые муравьи хватают друг друга лапками или челюстями, катаются по земле, а потом отпускают партнера или затаскивают его в муравейник, но вскоре игроки снова выбегают наружу.

Наше зачастую пренебрежительное отношение к насекомым долго не позволяло окончательно поверить в удивительные способности муравьев, например, как они перенимают опыт сородичей. Сегодня у ученых накопилось достаточно доказательств того, что эти насекомые способны обучаться не хуже некоторых высших позвоночных животных.

Б. Ф. СЕРГЕЕВ,
доктор биологических наук

Весёлый звонок

Ведёт учитель смеха А. Калинин

Исполнилось 70 лет прекрасному писателю Виктору Голявкину. Его повести и рассказы многие из вас наверняка читали. И ваши родители, когда были школьниками, тоже смеялись, читая его остроумные истории. Даже названия его веселых рассказов вызывают улыбку: «Яндрев», «Как я под партой сидел», «Ни какой горчицы я не ел».

«Костер» не раз печатал произведения Виктора Голявкина на своих страницах. Мы сердечно поздравляем Виктора Владимировича с юбилеем, желаем ему здоровья и ждем новых рассказов.

Дружеский шарж М. Беломлинского

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только в школу явился.

Анна Петровна сказала мне:

— Вот возьми домой книжку, прочти ее и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

— А если я не запомню?

— Пиши, как запомнишь.

— А в третий раз ни за что нельзя?

— В крайнем случае, — можно.

Пришел я домой. Прочел два раза. Как будто запомнил. Забыл только как слово «окно» писать — через «а» или «о»? А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Наверное, это не крайний

случай. Ведь в основном я все запомнил.

Спрошу-ка лучше я у папы, можно ли мне заглянуть в третий раз или нет.

Папа сказал:

— Этот случай не крайний. Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

— Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

— Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

КОНКУРС

„И все засмеялись!“

Дорогие ребята! У вас бывают смешные случаи на уроках? Присылайте мне эти истории! В конце года победителей ждет приз — веселая книжка!

Ваши Учитель Смеха

Дневник для двойки

Зинаида Васильевна вызвала к доске Артура.

— Сделал домашнее задание?

— Нет... Не успел...

— Ну что, опять тебе двойку поставить? Неси-ка дневник!

— А я дома забыл...

— Что забыл?

— Ну, этот... двойник!

И все засмеялись!

Настя ГРИШИНА,
г. Санкт-Петербург

Прозвенел звонок на перемену, и ребята побежали в столовую. Второклассница Оля подошла к прилавку и стала заказывать обед. Ей сказали:

— Девочка, здесь очередь!

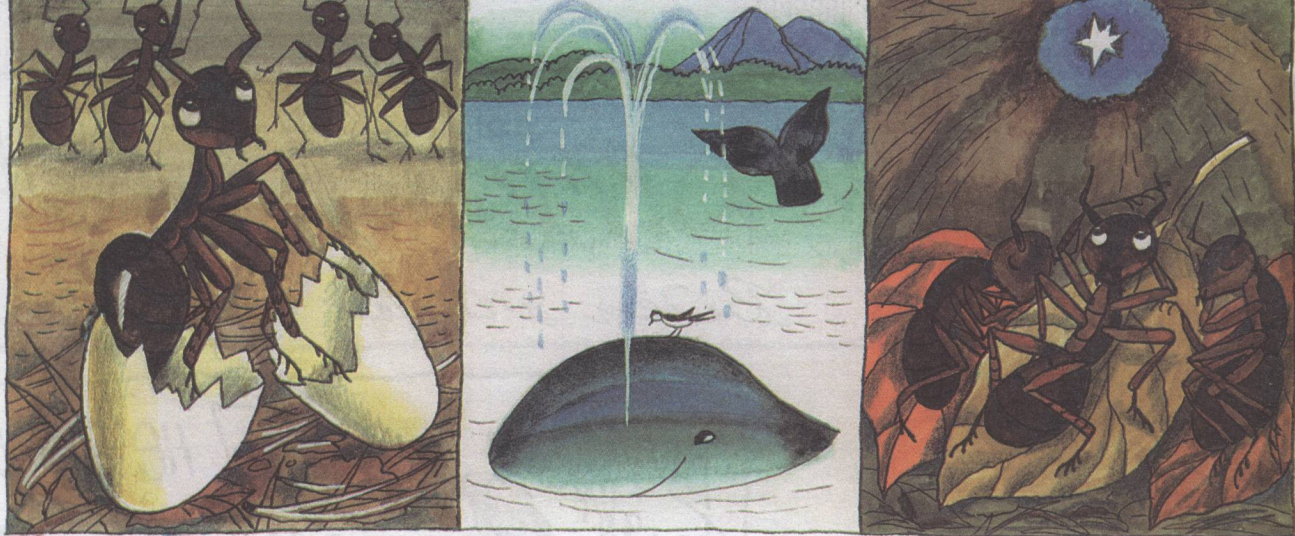
— А без очереди нельзя?

— Нельзя.

— Хорошо, тогда я первая!

И все засмеялись.

Наташа МЫШЛЯЕВА,
Кустанайская обл.

Жил один муравьишко. Не сказать, какой он невезучий был — всегда опаздывал. Минута в минуту как раз на час опаздывал, даже когда не хотел. А уж когда торопился, выходило и того хуже.

Он и родиться опоздал. Братья-сестры уже вылупились и первого червячка заморили, а он в яйце застрял. Слышал оттуда, как вкусно хрустят... И так и эдак скорлупу толкал, а только скорлупа никак ни отпускала. А как лопнула... он — прыг в жизнь... да поздно — все до крошечки уже съели, ему шиш с приветом оставили.

А еще была беда с характером. Болела голова свою норку иметь. Чтоб он там один, сам себе хозяин и ни души.

Муравьи — народец дружный, многим миром живут. Все вместе, все шумно и спят тесным рядком, друг дружку бочком греют. А он так не хотел. Ему по ночам сна не шло. Всем крепкий сон, а на него наплывало много мыслей... про далекую звезду — кому моргает? А кто на солнце живет?... Про кита с океаном и Африку...

Он раз подслушал, как ласточка подруге рассказывала: «Пролетаю океан, а там кит. Забрало любопытство — есть ли у него усы. Спустилась низко, а он в меня как брызгой стрельнет! Хорошо промазал, а то бы смерть!.. Прощай тогда жаркая Африка».

Что за океан? Кто такой этот кит с Африкой? А вот застряли в уме — не стало никакой жизни. Знал — их никогда не увидит, но про них в тишине сладко мечталось.

А тишины нет как нет. Рядом сосед сопит, а мысль... она ведь пугливей бабочки. Чуть робкий шум... «фр-р-р...» из головы, и уж скучно жить.

Нет, никак нельзя без норки.

Он очень старался как все быть, а только вот никак не получалось. На работу, на праздник всегда опаздывал, общим интересом не зажигался.

В нем свой, тайный огонек тлел.

Такой вот одинокий характер.

Муравьи, между прочим, это дело за ним приметили. Пожалели — назначили в вечные сторожа. Днем у ворот, ночью там же и других забот нет. Другой бы кто и привык так жить, а его душа изболелась. Мечта томила сердце.

И вот в одно утро он себе так сказал: «Умру, а найду себе дом!»

Сказано — сделано. Муравьишко сбежал из муравейника.

День норку искал, другой день искал, а только все не везло. Куда ни сунет нос, а там уже занято. Он даже в дырку соломинки сообразил заглянуть, но оттуда сердито запищали: «Мое! Мое! Тут я живу!»

Было к вечеру, хоть и солнышко высоко. Вдруг сверху капля — бац! Как раз в муравьишку угодила. Другой бы кто и не заметил, а как муравьишко ростом много мельче капли — всего водой окатило. Решил он от дождика под листком схорониться. Взбежал по былинке под самый листок, а там вниз головой прицепился долгоносенький комарик.

«И тут занято, — огорчился муравьишко. — Все живое имеет дом, один я хуже сироты».

— Можно я тут дождик пережду? — попросил он комарика.

— Сиди, мне не жалко, — буркнул комарик.

— Этот листик твой дом?

— Мне все — дом. Где сел, там и дом.

— А я мечтаю, чтоб был только мо-о-о-й дом.

— А зачем тебе дом? Увидят дом, придут и прямо в доме съедят. Весь мир друг дружку ест, вот тебя и съедят. А меня никто не съест. Дома нет, и не знают — где я есть.

— А где же ты спишь?

— Везде! Везде! — пропищал боевой комарик.

— А я вот хочу, чтоб был дом, — вздохнул муравьишко. — Я там буду мечтать и думать...

— Это что такое? — насторожился комарик.

— Это когда закроешь глаза, а там кит и Африка...

Комарик на него подозрительно прищурился.

— Недосуг мне глаза закрывать. Я всегда начеку! Я себя так натренировал: пока один глаз спит, другой все-е-е видит! А потом наоборот. И уши тоже начеку! А еще хитрое наитие. Я наитием всем утер нос! Еще не успеет вражья голова о чем подумать, а я уж о том догадался. Р-р-аз! И в гордом полете. Ищи-свищи-шлепай губами.

— Я так не умею... Я хочу дом. На «черный» день еды запаса, буду лежать и думать, — тихо, но твердо сказал муравьишко.

Тут как раз дождик кончился. Комарик крылышки распорщил, изготвился сигануть с листка.

— Я впрок запаса не держу! Минутку живу! И-и-и!.. — зазвенел по воздуху искать, где кожа тоньше, а кровь слаще.

Муравьишко же по былинке вниз сполз, пошел опять дом искать. И привалило счастье — набрал на пустую раковину. Пузатый чудо-завиток с коротким хвостиком. Улитку, надо думать, кто-то съел, а домик вышел не по зубам. Он цел, невредим и перламутровые стенки.

«Оно, пожалуй, даже лучше норки. Буду тут жить!»

Все лето муравьишко дом обустроивал. Мха натаскал, мягких шерстинок. Птичьего пуха разыскал — набил им мягкую подушку. Сплел гамачок из паутинки. Крепкую дверку с окошечком соорудил, ко входу щепочку приставил, чтоб ловчей наверх взбежать. Внутри по стенкам крылья бабочек развесил, зеленые чешуйки листобрюшек, а в головах прибил стрекозий глаз.

Дом получился лучше, чем в фантазиях мечты.

Ложился за день утомленный в гамачок, приятно перед сном качался и в темноту все тайны доверял:

«Мой дом. Прочное дело жизни. И это все — моя свобода. И в ухо не сопят... Вот набегут многие мысли, каждую буду думать. Пускай я муравей без крыл, зато комарик до звезды не долетит...»

Мысли и впрямь налетали роем, но не широкие, как раньше, от каких замирало сердце, а мелкие и все про дом. И не было от них покоя. Весь мир уж спит, а муравьишко сверлят новые заботы: «Надо бы дырочку законопатить, а то сквознячок свистит... из шерсти не забыть свалить онучки, чтоб каждой ножке было хорошо... а из песчинок выложить дорожку... и камушками домик обложить...»

Наутро с солнышком вставал и до звезды таскал, катал, валял, копал, замазывал и конопатил.

Наконец-таки угомонился. Все переделал, уж ничего не хотелось. Разлегся барином в своих хоромах, стал мыслей

ждать. Про солнце, про звезду, про Африку с китом. День ждал, вечер ждал... и ночью тоже ни одна не прилетела. Как будто он их чем-то напугал. И стало пусто, одиноко и тревожно.

Всей силой сердца напоил свою мечту, она застыла в красоте, уюте... но радости в себе он не услышал.

В окошко глянул — там небо тучами закрыто... не проглядеть ни солнца, ни звезды. А Африка... какая Африка, когда в онучках даже ноги зябли. И вспомнился, вдруг, муравейник. Там живой товарищ теплом грел, а тут стены дышали холодом, дождик барабанил — аж весь дом дрожал, и ветер выл голодным зверем и кто-то очень страшно скребся...

Утром муравьишко раковинку-дом покинул и что есть ног посеменил в муравейник. Робко постучался в камень, что на входе.

— Кого еще несет? Мы в зимнем сне, — заворчал изнутри муравей-сторож.

— Я — свой. Пусти. Я так замерз.

Камушек отвалился, высунулась строгая голова:

— А-а, это ты? Опять опоздал?

— Опоздал... — тихо молвил горе-герой и проник внутрь. Тепло окутало его и милый муравьиный дух.

— Иди спать, — сказал он сторожу. — Я тут останусь. Это мое дело.

И вот он лег и в сумрак родины всмотрелся. Куда ни глянь, лежал рядками муравьиный народец, грел друг дружку жаркими бочками, чуть слышимо во сне сопел. И все слилось в один волшебный звук. Как будто музыка души.

— Хорошо... — прошептал муравьишко. — Как в Африке... — Он глазки смежил... и тотчас звездочку знакомую увидел — она ему přátельски мигала.

Тут на него и сон сошел, и он там вдруг увидел... как солнце щекотал усами кит, а океан рассыпался на брызги... а в каждой брызге спрятался комарик...

Рис. К. Почтенной

Когда Блез Паскаль был маленьким

ИСТОРИЯ С СУЕВЕРИЕМ

Когда великий ученый Блез Паскаль был маленьким, отец не позволял ему много учиться. Он считал, что Блез растет и без того слишком нервным, впечатлительным ребенком. Ведь когда маленькому Блезу исполнился только год, с ним уже случилось событие, которое называли весьма странным. Его околдовала ведьма.

Отец Паскаля занимался математикой, физикой, он изучал свойства природы. В доме у него часто собирались ученые. Они рассказывали друг другу про свои опыты, размышления и открытия. Им присылали письма об открытиях ученые из других стран. Письма читали вслух, обсуждали. Позже по указу французского короля это знаменитое общество станут называть Французской Академией.

Мама была очень молодой, красивой и при этом серьезной женщиной. Она всегда помогала бедным. Однажды к ней подошла старуха в заносенной одежде.

Антуанетта дала ей несколько монет.

— От этой старухи лучше держаться подальше, — предупредила служанка, — в городе все знают, что она — ведьма.

Но Антуанетта засмеялась в ответ и, когда старуха стала приходить к ним в дом, всегда подавала ей милостыню.

Не прошло и нескольких недель, как с их сыном, маленьким Блезом, случился припадок. Он упал на пол и стал корчиться в судорогах, громко плача от боли.

— Ребенка сглазила ведьма, — уверяли друзья Паскалей, — и она доведет его до гибели.

— Живи мы сто лет назад, мы могли бы в это поверить, но в наш просвещенный век... — отвечали родители.

Однако ребенку становилось все хуже. Этьен Паскаль решил призвать подозрительную старуху в свой кабинет, чтобы лично во всем убедиться. Он занимал высокую должность и мог допросить любого простого горожанина.

— Скажи-ка мне, верно ли, что ты занимаешься колдовством? И если ты сейчас не сознаешься, я доведу тебя до виселицы! Ты будешь повешена, понятно тебе?

Этьен Паскаль сам не верил тому, что говорил, он просто решил испытать старую женщину, но та неожиданно бросилась на колени и зарыдала:

— Мой сын хотел отсудить чужой дом, но вы не позволили ему это сделать. Тогда я озлобилась и наколдовала. Теперь я верну вам жизнь ребенка, если вы не предадите меня суду! Я перенесу смерть на кого-нибудь другого. Могу на бродячую кошку, а могу и на мышку. Уж это моя забота. Отпустите меня, и ваше дитя выздоровеет!

Хотя ученый Этьен Паскаль по-прежнему презирал суеверия, старуху он решил отпустить.

И точно. Маленький Блез Паскаль скоро пришел в себя, и припадки его стали слабеть, а через несколько дней совсем прекратились.

КАК ЗАНОВО СОЗДАВАЛАСЬ ГЕОМЕТРИЯ

Сначала семья Паскалей жила в городе Клермоне, но когда дети стали подрастать, отец продал свою должность и переселился в Париж. Все свое состояние он вложил в дорогую гостиницу, и теперь семья жила на доход с этого капитала. Свободного времени у отца стало много, и он начал заниматься с маленьким сыном. Для начала они изучили грамматику. Потом по плану была латынь, а уж потом математика. Однако скоро планы пришлось нарушить.

Однажды во время обеда один из гостей ударил ножом по фаянсовой тарелке, получился

протяжный музыкальный звук. Но едва на тарелку положили палец, как звук исчез.

— Куда делся звук? — удивился Блез.

Никто толком ему не мог ничего объяснить. И тогда маленький Паскаль сам стал проводить опыты со звуком, и записывать свои наблюдения. Так появилась его детская научная работа, которая называлась «Трактат о звуках».

После этого он стал просить отца научить его поскорей математике.

— Этому ты будешь учиться в награду, когда хорошо узнаешь латынь, — ответил отец.

— Тогда объясни, что это за такая наука, геометрия?

Хотя у отца постоянно собирались известные математики, он по-прежнему оберегал сына, но решил все-таки сказать:

— Геометрия — это наука, которая дает средство правильно чертить фигуры и находить отношения, существующие между этими фигурами.

Отец надеялся, что ребенок не поймет мудреное объяснение, но маленький Блез радостно кивнул:

— Теперь я все понял.

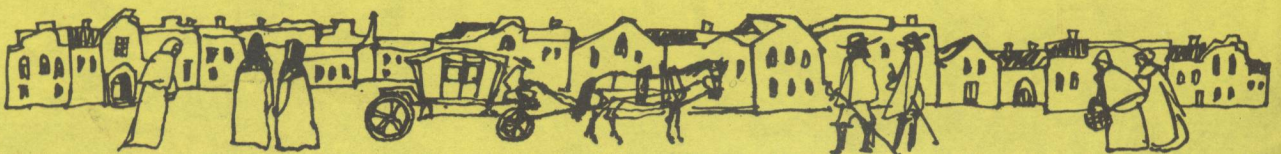
Оставшись один, Паскаль-сын немедленно начал вычерчивать фигуры. Он не знал, как они называются и придумывал названия сам. Прямые называл палками, круги — кольцами и составлял одну теорему за другой. Когда отец вошел к нему, сынок как раз заканчивал доказательство тридцать второй теоремы первой книги Евклида, которая говорит о том, что сумма внутренних углов треугольника всегда равна двум прямым углам.

Изумленный отец замер у дверей, а сын даже не заметил его — так увлекся.

— Две вместе взятые палки в фигуре из трех палок всегда длиннее третьей палки, — бормотал сын.

— Как ты узнал об этом?! — воскликнул отец.

И сын спокойно стал объяс-

нять аксиомы и теоремы о свойствах палок, колец и их кусков.

В это невозможно поверить, но мальчик заново открыл геометрию Евклида!

С тех пор сын стал наравне со взрослыми посещать ученые собрания. Он писал один математический трактат за другим, сделал множество открытий, и скоро обогнал в математическом развитии не только отца, но и других математиков Франции.

СЕСТРЫ И КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ

Когда маленькому Блезу Паскалю было три года, умерла его красивая и талантливая мама. У него остались две сестры — старшая и младшая. Но настал год, когда он мог лишиться и отца.

В тот год правительству Франции особенно сильно не хватало денег. Вообще-то правительствам часто их не хватает, и тогда они отбирают деньги у граждан. Тут произошло то же самое. Кардинал Ришелье, который правил страной при безвольном короле, приказал забрать в казну доходы от той гостиницы, в которую Этьен Паскаль вложил свое состояние.

Этьен собрал других совладельцев, и все вместе они стали громко протестовать. Узнав об этом, кардинал Ришелье приказал посадить Этьена Паскаля в Бастилию — знаменитую парижскую тюрьму. К счастью, отцу удалось вовремя скрыться.

В те же дни кардинал приказал поставить спектакль, который назывался «Тираническая любовь». Младшей сестре Блеза Паскаля, Жаклине, только что исполнилось тринадцать лет, и все знали, какая она талантливая девочка. Ее попросили сыграть в этом спектакле.

Жаклин посоветовалась со старшей сестрой Жильбертой, которая в свои восемнадцать лет управляла теперь делами семьи, и решила согласиться.

Она сыграла свою роль с такой грацией, что очаровала всех зрителей и самого кардинала. Зрители громко восхищались, а Жаклин неожиданно подошла к Ришелье и продекламировала собственное стихотворение, в котором просила вернуть из изгнания несчастливого отца.

— Я сделаю для вас это, дитя мое, — ответил изумленный кардинал и поцеловал девочку. — Напишите отцу, чтобы он спокойно возвращался домой.

Этьен Паскаль немедленно поспешил в Париж и предстал перед Ришелье.

— Я знаю о ваших достоинствах и постараюсь сделать для вас и ваших детей что-нибудь замечательное, — сказал кардинал.

Скоро Этьен Паскаль получил новую высокую должность. Он стал интендантом в городе Руане. При такой должности многие создавали себе состояние. Но Этьен был честным человеком и нисколько не обогатился, просто изо всех сил погрузился в работу.

СЧЕТНАЯ МАШИНА ПАСКАЛЯ

На новой службе отцу приходилось делать долгие вычисления. И сын решил облегчить ему труд — он стал изобретать вычислительную машину.

Три года строил юноша свою машину. Он перепробовал больше пятидесяти вариантов и наконец создал такую, на которой любой малограмотный человек мог делать сложные вычисления.

Эту машину он заключил в латунный корпус и показал самому королю. Королю так понравилась на ней считать, что он приказал

оставить ее в Люксембургском дворце, а автору выдал особый диплом. Все высшее общество стало собираться во дворце, чтобы посчитать на этой машине, а юного Блеза стали называть французским Архимедом.

ВЕРОЯТНОСТЬ УДАЧИ

Каждый год Блез Паскаль продолжал удивлять ученых своими открытиями. Он создал особую математическую область, которую назвали теорией вероятностей. С помощью этой теории можно высчитать свой шанс выигрыша в лотерею, в домино и в карты, а можно делать сложные расчеты движения звезд и галактик. Эта теория нам очень пригодится и в следующем тысячелетии.

Но особенно поразились ученые, когда молодой Паскаль открыл давление воздуха, которое, как оказалось, распространяется во все стороны. Ведь в обычной жизни никто из нас такое давление не ощущает. Для этого он придумал простой опыт.

К тому времени старшая сестра вышла замуж и жила около горы Пюи-Де-Дом. Блез написал ее мужу, чтобы тот приготовил трубку с делениями, налил в нее ртуть и плотно заткнул один конец, а другой, незапаянный, опустил в сосуд со ртутью. В результате получился барометр. Теперь с этим барометром мужу сестры надо было подняться на гору.

«Чем выше вы станете подниматься, тем ниже должен опускаться в трубке столбик ртути, потому что давление воздуха на высоте меньше», — писал в инструкции Блез Паскаль.

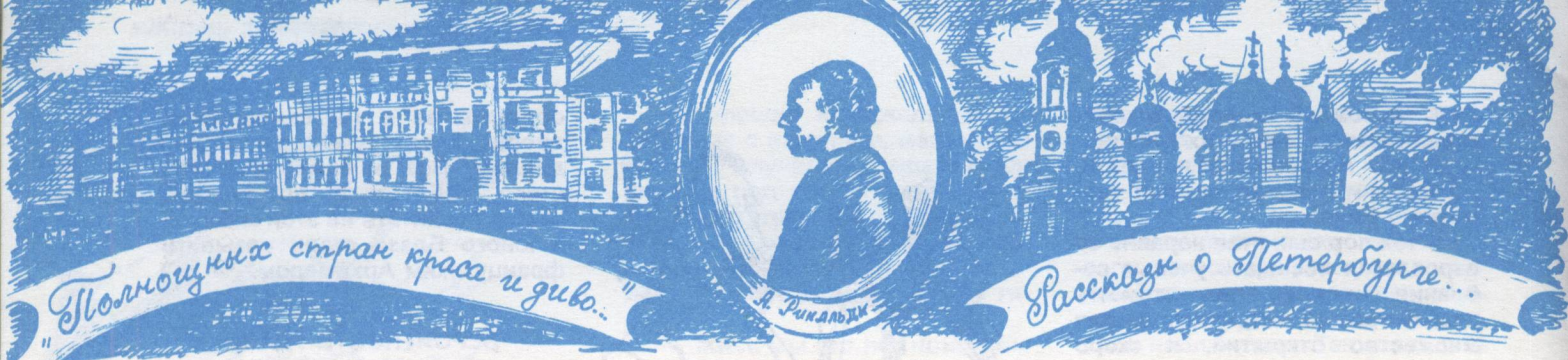
19 сентября 1648 года муж сестры отправился в гору и с удивлением стал наблюдать, как опускается в трубочке ртуть. Запись своих наблюдений он переслал Паскалю. А Паскаль повторил опыт в Париже, забравшись на высокую башню.

Этот простой опыт объяснил многие непонятные явления в природе, и поэтому ученые называли физическую единицу, которой измеряют давление, Паскалем.

С тех пор прошло три с половиной века, и мы вместе с физиками и математиками продолжаем пользоваться гениальными открытиями Блеза Паскаля, а философы продолжают изучать его философские книги, которые он написал, повзрослев.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

САМЫЙ МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ

В Петербурге много дворцов. И почти каждый из них имеет свои неоспоримые достоинства. Но Мраморный дворец, расположенный на краю Марсова поля, у всех вызывает восхищение. Северный фасад дворца, обращенный к Неве, и Южный, выходящий на Миллионную улицу, украшены колоннами из бледно-розового тивдийского мрамора. Потому и дворец называется — Мраморный!

Сами же стены дворца — второго и третьего этажей — облицованы светло-серым сердобольским гранитом, а цокольный этаж — розовато-серым. Этим сочетанием природных камней — гранита и мрамора тончайшей цветовой гаммы — достигается необыкновенный художественный эффект.

К архитектору Мраморного дворца — итальянцу Антонио Ринальди (1710—1794), отдавшему нашему городу более сорока лет вдохновенного труда, судьба была несправедлива. Началось с нелепой легенды, будто Екатерина II сама создала проект здания. Может быть, этой версии способствовал тот факт, что дворец предназначался фавориту императрицы графу Орлову, который жил в нем недолго. Затем дворец был продан в казну. Им владели только члены великокняжеской семьи.

До самого конца XIX века его автором упорно именовался Кваренги. Пока священником домашней церкви Мраморного дворца не был найден документ, утверждающий авторство Ринальди. Тому нашлось и художественное подтверждение: в вестибюле Мраморного дворца — единственный портрет — портрет-барельеф Ринальди работы великого скульптора Шубина.

Но любоваться высочайшим творением Ринальди в настоящее время мы, к сожалению, можем не в полной мере. Перенесемся в семидесятые годы XVIII века. Перед строящимся дворцом (1768—1785), перед его главным, наиболее выразительным

восточным фасадом не было служебного корпуса. Парадный двор широко открыт для обзора. Можно оценить всю сложность декоративного убранства центральной части дворца. Центр фасада и боковые ризалиты украшены колоннами. Две статуи, которые стоят на аттике, а также композиции из воинских доспехов

корпуса канал был засыпан. Поначалу двухэтажный этот корпус все-таки не полностью заслонял парадный въезд во дворец, его самый архитектурно насыщенный фасад. Но постепенно он был надстроен еще на два этажа.

Теперь любоваться главным фасадом дворца можно только войдя в крохотный садик. А в нем-то и отступить некуда, чтобы охватить взором весь величественный строй парадной стороны дворца.

А сколько, казалось бы, непреодолимых препятствий возникло в годы самого строительства. Вот хотя бы одно: архитектору определили крайне неудобную, кривоугольную площадку. И этим были созданы такие трудности в планировочном решении, что можно лишь изумляться, как их удалось преодолеть и при помощи какого волшебства асимметричный план здания можно обнаружить разве что с вертолета. Сильно пострадал дворец и в наше время. Его крыша, покрытая медными листами и казавшаяся созданной из чистого золота, перестала выделяться своей единственностью. Ей нашли лучшее применение — в промышленности.

В 1937 году в Мраморном дворце был открыт Центральный музей В. И. Ленина. Дворцовые помещения были приспособлены под музейные залы. Наиболее ценные интерьеры дворца, правда, были при этом сохранены. У входа во дворец, в садике, был установлен на постаменте исторический броневик, который находился на площадке у Финляндского вокзала в день прибытия Ленина в Петроград в апреле 1917 года. В 1973 году броневик «переехал» в вестибюль Мраморного дворца, а на его месте теперь стоит памятник Александру III*. Сейчас Мраморный дворец передан Русскому музею, и в залах дворца периодически проводятся художественные выставки.

* О нем мы писали в «Костре» № 7, 1997 г.

выполнены Ф. И. Шубиным, кстати, он принимал участие и в отделке внутренних помещений дворца. И сам дворец как бы вливается двумя крыльями в приневицкий простор. Ничто не заслоняет его величавого движения навстречу изумленному зрителю. А Красный канал, соединявший Неву с Мойкой и протекающий у подножья дворца, отражает в спокойных водах роскошный восточный фасад и башню с часами. Но после постройки рядом служебного

масло, глина, скульптура малых форм, резьба по дереву и металлу, керамика, изделия из кожи. Словом, допускается все многообразие, которое подскажет вам ваша фантазия! Тема: театр и все, что с ним связано. Вы хотите нарисовать сцену из спектакля, который посмотрели в одном из театров своего города? Вы собираетесь изобразить актеров своего театрального кружка? Вы хотите представить, какой спектакль получился бы по вашей любимой книге? Пожалуйста! Фантазируйте!

Размеры работ, присылаемых издаека, могут ограничиваться лишь возможностями почты. Работы (это могут быть ваши впечатления от увиденного спектакля или эскизы декораций и костюмов к спектаклю, который вы бы хотели увидеть на сцене театра) не возвращаются и остаются на хранении в музее Театра.

Возраст участников от 5 до 17 лет. Работы будут приниматься с ноября 1999 г. по 20 января 2000 г. (по почтовому штемпелю). Лучшие работы, отобранные профессиональным жюри, в состав которого войдут художники и педагоги Театра, будут экспонироваться в фойе ТЮЗа и будут опубликованы в журнале «Костер», а их авторы получают дипломы и памятные призы.

Ждем ваши работы по адресу: 191119, Санкт-Петербург, Пионерская пл., д. 1, ТЮЗ, Педагогический отдел. Телефон: 112-40-33, факс: 112-59-70.

Рис. Ш. Ворошилова

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

У вас есть замечательная возможность проявить свои способности и таланты в изобразительном искусстве. Санкт-Петербургский Театр Юных Зрителей им. А. А. Брянцева объявляет конкурс «ТЕАТР ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ». Это традиционный ежегодный конкурс, который ранее проводился только среди юных жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Сейчас ТЮЗ расширяет эти границы совместно с журналом «Костер», в котором будут опубликованы работы победителей и интервью с наиболее активными участниками. На конкурс принимаются работы различных направлений — графика, акварель, гуашь,

«Есть книга вечная любви...»

«НО Я НЕ ЖАЛЕЮ О ТОМ, ЧТО МЕЧТАТЬ Я УМЕЮ»

«Здравствуй, "Костер"! Хочу рассказать свою историю. В наш класс пришел новенький, и я сразу поняла, что очень его люблю. Даже в календаре подчеркнула этот день красным фломастером. Раньше я писала стихи о важных событиях в своей жизни. Они были веселые. Теперь я тоже пишу. Но почему-то получаются все грустные. Уже целая тетрадка. Стихи, по-моему, не очень хорошие. Но когда напишешь — сразу легче. Я их никому не показываю. Боюсь, что будут смеяться. Все они посвящены Саше А.» Такое письмо прислала в редакцию Настя СИДОРЧУК из Краснодара. Оно не единственное. Очень часто наши читатели вкладывают в конверты листочки со стихами — кто со своими собственными, а кто ищет поддержки у классиков. Вот еще одно письмо: «Пишет тебе путешественница, пригрезившая у твоего огонька. Мне 14 лет. Иногда я сочиняю стихи о неудачной любви. Но чем старше становлюсь, тем меньше сочиняю стихи. Только иногда, когда слишком хорошее настроение, рассказываю о своих чувствах в стихах. Я реалист. Настроения бывают разные, но любовь всегда одинаково сильна. Надя ВАХРУШКИНА, Ленинградская обл.»

Наверное, не так уж важно, чтобы стихи непременно получались удачными. Если они пишутся, если от этого становится легче, что же тут плохого? А ответ на признания девочек неожиданно нашелся в письме 14-летней Оли КАЦАП из Петербурга, которая тоже прислала стихи о любви и о поэзии:

«Я петь не могу, и песен писать не умею,
Мечту я о небе храню, и часто жалею,
Что петь не умею, и песен писать не могу.
На солнечно-желтом песчаном морском берегу,
К которому волны бегут, гребешками белея,
Как я там жалею, что песен писать не могу,

И как я жалею, что я рисовать не умею.
Осенней дождливой и темной ночью порой
(И лишь только море и солнце ее мне милее),
Тогда я жалею, что песни не спеть ни одной,
Но я не жалею о том, что мечтать я умею».

По-моему, сказано очень верно: главное, что есть сердце, что умеет оно мечтать. А искусный размер и свежие рифмы — результат техники и тренировки. Может быть, со временем придет и это.

Гостью нашей рубрики девятиклассница 363-й школы Петербурга Ксения КОМКОВА как раз стоит на такой ступеньке, где совпали точность формы и глубина содержания. На конкурсе юных переводчиков, проводимом Немецким культурным центром им. Гете и Библиотекой Детской Зарубежной книги г. Петербурга, ее вариант прочтения великого поэта был отмечен жюри и слушателями. Все стихи, которые звучали на конкурсе, были, конечно, о любви. А перевод Ксении (рядом — оригинал на немецком) так и назывался: «Новая любовь, новая судьба»:

NEUE LIEBE, NEUES LEBEN

Herz, mein Herz, was soll das geben?
Was bedrängt dich so sehr?
Welch ein fremdes, neues Leben —
Ich erkenne dich nicht mehr.
Weg ist alles, was du liebtest,
Weg, worum du dich betrübtest,
Weg dein Fleiß und deine Ruh —
Ach, wie kamst du nur dazu?
Fesselt dich die Jugendblüte,
Diese liebliche Gestalt,
Dieser Blick voll Treu und Güte
Mit unendlicher Gewalt?
Will ich rasch mich ihr entziehen,
Mich ermannen, ihr entfliehen,
Führt mich im Augenblick,
Ach, mein Weg zu ihr zurück.
Und an diesem Zaubersfädchen,
Das sich nicht zerreißen läßt,
Hält das liebe, lose Mädchen
Mich so wider Willen fest;
Muß in ihrem Zauberkreise
Leben nun auf ihre Weise.
Die Veränderung, ach, wie groß!
Liebe! Liebe! laß mich los!

О, сердце! Что любовь дает тебе?
Что душу сильно тяготит мою?
Я отдаюсь опять другой судьбе —
О, сердце! Я тебя не узнаю!
А на пути все то, что я любил,
А на пути покой и страстный пыл,
А на пути тоскующая грусть —
Ах, это все? Наверно... ну и пусть!
Тебя зовет вновь юности расцвет,
И нежный образ ласково манит,
И этот взгляд, в котором злости нет,
Который крепко лишь любить велит.
И снова избежать ее хочу,
И с тайной грустью от любви лечу,
Но, ускользнув от пламенных сетей,
Через мгновенье возвращаюсь к ней.
И с колдовством своих прелестных глаз,
Которых никогда мне не забыть,
Кокетка, шепчешь ложный свой отказ,
Но заставляешь пламенно любить.
И от твоих порой капризных чар,
Что дали сердцу страстный сей пожар,
Меняется опять моя судьба!
Любовь! Любовь! Ты отпусти меня!

Если это стихотворение оказалось созвучно вашему настроению, если вы тоже хотите попробовать свои силы в переводе, то присылайте в редакцию свои варианты. Лучшие из них будут опубликованы. И конечно — пишите о любви.

Н. Юрьева

ВИКТОРИНА-50

Сегодня наша викторина посвящается письму. Как всегда, для начала надо ответить на вопросы и выбрать нужные буквы. Затем определить, что за предметы, имеющие прямое отношение к нашей теме, изображены рядом с вопросами, и расположить названия этих предметов в алфавитном порядке. Тогда отгаданные буквы составят

древнее русское слово, означавшее предмет — острую костяную или металлическую палочку, которой наши предки выцарапывали буквы на твердых материалах — на пергаменте (так называлась специально выделанная кожа животных), на коре, на деревянной дощечке и так далее.

1. Если какая из птиц достойна нашего уважения, так это домашний гусь — большая красивая птица с сильными крыльями. Тысячи лет, с VII века до нашей эры, люди использовали ее перья как инструмент для письма.

Писать гусиным пером было настоящим искусством. Этому довольно долго обучались. Но тем не менее, оно верно и надежно служило людям вплоть до конца прошлого века. Долго еще в библиотеке Британского музея на столах посетителей лежали рядом металлическое перо и гусиное — из «уважения к духу прошлого». Нынче гусиным пером иногда пользуются художники-графики.

А вопрос такой: как назывался специальный ножичек для обрезывания гусиного пера? Вопрос не такой уж сложный, как может показаться с первого взгляда. Требуется шестая буква.

2. В прошлые времена существовали люди особой профессии, умеющие красиво и быстро писать гусиным пером. Они назывались писарями. Опытный писарь должен был знать и уметь многое: разбирать почерки (на переписку доставлялись черновики, написанные подчас в спешке, неразборчиво), быть достаточно грамотным, владеть многочисленными формами писания деловых бумаг. А при случае он должен был уметь мгновенно слизнуть кляксу (это тоже считалось искусством!), исправить ошибку — затереть неверную букву воском или соскоблить ее.

Писари были заметными фигурами в мире литературы. История сохранила имена лучших из них, переписывавших рукописи наших великих авторов. Писари часто мелькают и на страницах классических произведений старой русской художественной литературы. Самый знаменитый из них — Акакий Акакиевич, герой гоголевской повести «Шинель». Как, кстати, фамилия этого писаря? В ней подчеркните вторую букву.

3. Гусиные перья сменило металлическое перо. Это была настоящая революция. Она случилась не сразу. Вообще-то металлические перья были известны еще в Древнем Риме — император Теодорих подписывал свои указы бронзовым пером. Позже в разных странах умельцы изобретали типы железных, медных перьев, которые можно было вставлять в гусиное перо (потом изготовили особый деревянный стержень для новых перьев, который назвали ручкой, а в Петербурге-Ленинграде он долго назывался вставочкой). Металлические перья были известны еще Пушкину. Но в широкий обиход новинки вошли только в середине прошлого века.

Лучшим, самым удобным пером считалось перо с цифрой «86» на корпусе. В магазине, году в 1960-м, перышко стоило, помнится, 20 копеек. Школьники три-четыре десятилетия назад все сплошь писали металлическими перьями, на партах были укреплены чернильницы, в каждую тетрадь вкладывалось — что? Правильно! В этом слове нас интересует третья буква.

4. Металлические перья, а гусиные — тем более, исчезли из широкого обращения. А вот еще одно орудие письма до сих пор используется очень и очень многими. Это карандаш. У него своя история, еще более древняя, чем у гусиного пера. Ведь когда наши предки рисовали углем на стенах пещер, они использовали то, что позже превратилось в карандаш. Это слово образовано от двух тюркских слов: «кара», что значит «черный», и «таш» — «камень». Очень наглядно. В XVI веке художники вставили графит в деревянный стержень, и карандаш был готов. Но вообще-то карандаши всегда уступали перьевой, чернильной записи. Хотя бы с точки зрения долговечности: карандашная запись легко могла стереться. Поэтому, например, карандашные пометки на важных документах, сделанные самим царем, для сохранности тут же покрывали лаком.

А теперь вспомним, как фамилия писателя, который написал веселые детские повести про маленьких человечков, одного из которых так и звали — Карандаш. Отметьте в фамилии третью букву.

5. После металлического пера и ненадолго вошедших в моду «вечных» автоматических чернильных ручек многие перешли на «шарик». Так называют «шариковую» ручку, вошедшую в обиход после второй мировой войны. А потом появились такие разноцветные — вроде карандашей, дети им очень обрадовались — рисовать удобно. Пишут они не пастой, а специальными чернилами, а вместо пера у них твердый суконовый стержень. Ну, поняли? Вторая буква — то, что нам нужно.

6. Теперь в любом канцелярском магазине такой широкий набор удивительных, разнообразных инструментов для письма, что глаза разбегаются: трассеры, капиллярные ручки, поразительной красоты автоматические карандаши, пишмашинки, чей «почерк» не отличить от типографского набора! Но про умелого автора, про искусного журналиста, который давно уже не пишет свои материалы, а набирает их на экране персонального компьютера, сейчас, как и сто лет назад, говорят: «У него острое!» Первая буква из пропущенного слова — последняя среди тех, что нам требуются.

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ В № 7

1. Кружка и миска не должны быть металлическими, чтобы можно было без затруднений есть горячую пищу. Буква — «М». 2. Земляника. Буква — «К». 3. Спиннинг. Буква — «П». 4. Правиль-

ный ответ под номером 1. Буква — «А». 5. Йорк. Буква — «О». 6. Костер. Буква — «С». Искомое слово — КОМПАС.

Иннокентий Спектров с сестрой Инной нашли на уличной скамейке, видимо, забытую сумочку с пенсионными документами и послушали в милицию, чтобы сдать найденное.

Ребята разговорились с незнакомцем. Оказалось, что это сторож-охранник небольшого магазина неподалеку, где за сутки до этого было совершено ограбление. Злоумышленник напал на него, оглушил и связал. По подозрению в совершении преступления были арестованы трое. Их привезли в отделение милиции и пригласили потерпевшего для опознания.

Иннокентий продолжил разговор с потерпевшим. Перед тем, как потерять сознание, сторож некоторое время видел лицо напавшего на него преступника, но запомнил не много.

В это время ввели подозреваемых для опознания.

Судя по всему, у Иннокентия есть свои соображения, кого подозревать в совершении преступления. Какие же?

За правильный ответ — 15 очков.

Рис. О. Граблевской

Здравствуй! Сегодня я здороваюсь сразу со всеми — и с девчонками, и с мальчишками! Потому что настал сентябрь, потому что все вы теперь ученики, а значит мой сегодняшний совет — для всех вас. Итак... попробуем научно организовать рабочее место школьника (правильно, письменный стол) с помощью обыкновенных пакетиков из-под молока. Эти аккуратные коробочки квадратного и прямоугольного сечения вы можете встретить везде.

Прежде всего нужно подобрать лист картона по размеру вашего выдвижного ящика стола. Подготовили? Теперь займемся дизайном. Вам нужны отделения под кисти, карандаши, линейки, вязальные спицы или готовальню? Возьмите пакет из-под молока (тщательно вымытый и высушенный) и срежьте его боковую стенку по горизонтали. Теперь приклейте полученный «ящичек» на картон.

Таких отделений может быть несколько. А вот скрепки, кнопки, стирательные резинки и прочую мелочь удобнее всего хранить в молочных пакетах, срезанных по высоте — получаются аккуратные квадраттики. Их тоже нужно наклеить на ваш лист картона. Сколько будет «ящичков» и какие они будут — зависит от вашего желания. Потом лист картона с наклеенными на него отделениями вложите в ящик стола. Все! Теперь не нужно долго рыться в столе, отыскивая среди кнопок и фломастеров, скажем, ластик. Все под рукой, все на своих местах.

Если у вас еще остались пакеты, вполне можно изготовить из них симпатичные стаканчики под ручки и карандаши. И поместить такие стаканчики уже не в стол, а прямо на стол. Если оклеить их цветными открытками или лоскутками материи (а можно календариками, марками, картинками из журналов, вкладышами от жвачек), то получится очень нарядное и стильное украшение рабочего стола.

Ребята, если кто-нибудь из вас придумает, для чего еще могут сго-

дятся обыкновенные пакеты из-под молока, буду рада вашим письмам! Что, если сделать из пакетов кукольную комнату или целый «этаж» — со спальней, гостиной, верандой? Или построить город для киндер-сюрпризов? Лучшие ваши идеи будут опубликованы на страницах «Костра». До встречи!

ОТВЕТ
на задание Конкурса юных
детективов в «Костре» № 8, 1999 г.
«Гость у костра»

Иннокентий Спектров не поверил словам незнакомца, вышедшего к костру. Лесной объездчик должен разбираться в топографических знаках, «читать» карту. Не знакомец же, когда его попросили указать на карте, где находится лошадь, ткнул пальцем в болото. Поэтому Иннокентий — наш Инспектор — и проследил, куда пошел мнимый лесной объездчик.

"ИСКУССТВО ОБЩЕНИЯ"

Ведет Равиц М. М.

Здравствуйтесь... а как дальше? Хотелось бы написать — друзья! Но я еще не заслужила вашей дружбы, я только надеюсь с вами подружиться. Так как же можно обратиться к незнакомым людям? Может быть, так: «Здравствуйтесь, мадамес и господа». Нет, лучше «Добрый день, леди и джентльмены» или «Синьориты и кабальеры». Тьфу ты, совсем запуталась, ведь мы в России — так причем здесь синьориты и мосье? Ведь у нас как-то раньше обращались к людям — до революции 17 года, а после революции гордое слово «товарищ» как-то не прижилось, и стали у нас обращаться люди друг к другу по половым (мальчик, девочка, женщина, мужчина) и родственным (мамаша, бабуля, тетя, дядя, дедушка, сынок, внученька...) признакам. Но ведь это глупое и неправильное обращение. Оно ставит человека, к которому так обратились, в неловкое положение, а следовательно, унижает его достоинство. Я боюсь, что вы мне на это ответите: «Ничего, мы привыкли». Ох, не отвечайте мне так, пожалуйста! Нельзя привыкнуть к унижениям. Привыкнуть к ним — значит сломаться, а ведь вы люди молодые, следовательно — гордые и честные! Поэтому лучше давайте вместе решим, какие обращения нам придумать и ввести в жизнь. Я знаю, что это вам по плечу.

Вы меня спросите, почему я остановилась на таком мелком вопросе? Отвечу сразу — в жизни нет мелочей, вернее — она вся состоит из мелочей, и от того, какими будут эти мелочи — такой и будет каждая жизнь.

Кстати, я забыла об одной важной мелочи — я вам не представилась. Меня зовут Элиза Хилл. Если вы захотите узнать обо мне побольше, то мою историю замечательно описал мой литературный отец и создатель — знаменитый английский писатель Бернард Шоу и назвал ее «Пигмалион». Я сама часто перечитываю эту историю, чтобы не забыть, какой я была в начале жизни, ведь я очень стара — мне больше ста лет. Ну, что вы ойкнули и состроили такое лицо, при котором брови ползут вверх, а уголки губ — вниз. Кто это вам сказал, что если человек стар, то он неважно соображает? Неважно соображать можно и в юности — это от человека зависит. А я вот считаю, что старший, что мальчи, только опыта побольше, потому я надеюсь, что мы очень даже хорошо пойдем друг друга.

Между прочим, это моя профессия — понимать других людей. Ведь я специалист по этикету, а в эту науку входят очень много других наук, таких как кинесика (язык жестов), физиогномистика (когда по лицу можно определить характер человека), графология (определение человека по почерку) и многие другие. Я об этом не просто так сболтнула, а сказала потому, что у меня есть к вам интересное предложение: — Давайте, создадим на страницах нашего любимого журнала «Костер» школу «Искусство общения», где будем обсуждать всевозможные ситуации человеческого общения. Я буду рассказывать вам, что людей отталкивает друг от друга, а что манит и притягивает. И постепенно вы

постараетесь овладеть искусством нравиться себе и людям и получите в руки золотой ключик к человеческим сердцам. Я уверена, что такая школа вам очень пригодится, ведь кем бы вы ни стали в своей жизни и как бы ни успевали в своем любимом деле, это не освободит вас от общения с другими людьми: дома, на работе (учебе), на улице — везде и всегда вас будут окружать люди, и от того, насколько хорошо вы овладеете искусством общения, ваша жизнь сложится счастливой или несчастливой. Ведь вы и сами часто замечали, как резко портится настроение, если с кем-нибудь неудачно пообщался. А психологи утверждают, что даже после небольшой ссоры (например, люди сказали что-то неприятное друг другу в транспорте), человек заболевает на 34 часа. Представляете себе, организм этого человека ведет себя так, как будто он страдает какой-то тяжелой болезнью! А если за эти 34 часа он опять с кем-нибудь неудачно побеседует... Ну, уж, нет, это надо остановить, а то кругом начнут бегать больные люди, с расстроенным здоровьем и нервами. Но я вам обещаю, что с теми, кто станет заниматься в нашей школе «Искусство общения», такие неприятности будут происходить все реже и реже, пока наши ученики о них и вовсе не забудут.

Что же нам предстоит узнать в нашей школе? О, очень многое! Конечно, начнем мы с простого: проверим, какие правила поведения в общественных местах вы помните, а какие забыли или не знали. К тому же, мы не будем эти правила зубрить, мы будем над ними думать: для чего они нужны и насколько облегчают жизнь нам и окружающим. Ведь этикет, как и любая другая наука, не стоит на месте и, может быть, нам предстоит придумать какие-то новые правила, а от каких-то отказаться? Далее мы изучим все праздники, которые празднуют в России — начиная от личных, кончая светскими и духовными, и научимся организовывать и проводить любой праздник, чтобы он действительно превратился в красивое, запоминающееся событие, а не стал бы обычным днем, в котором мы немного переели. Мы научимся правильно подбирать и преподносить подарки, узнаем о языке цвета и цветов. Овладеем искусством речевого этикета, научимся не только красиво и правильно говорить, но и спорить так, чтобы никого не обидеть и добиться того, что нам нужно. Помним, что яркая, красивая речь — это власть над людьми! Кроме устной речи есть еще и письменная, и она не менее важна, и мы научимся писать письма. Конечно, мы не обойдем такую важную тему, как столовый этикет. И постепенно от практического этикета мы с вами перейдем к психологии общения. Мы узнаем, какие психологические типы школьников обучаются в современной школе и кто из них вырастает. Изучим язык жестов, чтобы понимать людей еще до того, как они начали говорить. Узнаем, что такое имидж (образ) человека, и как он создается. Все, что я перечислила, лишь небольшая часть того, что вам предстоит узнать в нашей школе.

Не буду больше вас утомлять, а попрошаюсь с вами до нового 2000-го года, когда заработает с первого номера журнала наша школа.

А на прощание я хочу дать вам четыре задания:

1. Придумайте обращения, которые были бы приятны живущим в России людям разного пола и возраста.
2. Почему ни один ребенок-маугли (найденный выросшим у животных) не только не стал хорошим, но и просто человеком, как ни блился над ними врачи и учителя? А таких детей в мире зарегистрировано 53, и все они умерли, не дожив до 30-ти лет.
3. Почему XX век называется «веком общения», а XXI-й — супер-общения? Как это можно доказать, сравнивая XX век с XIX-м?
4. Как я прожила первые 20 лет жизни и почему, проживая следующие 80 лет совсем по-другому, я не должна забывать те первые 20? Почему моя фамилия Хилл, а не Дултил?

Ответы высылайте на адрес журнала «Костер» — мне, ждущей с нетерпением встреч с вами —

Элиза Хилл

ОКТАБРЬ: ПРАЗДНИКИ И ДАТЫ — БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

1 октября. Скоро наступит новый месяц. Что о нем говорят в народе? «В октябре семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет». И все равно — это прекрасный месяц. Так и хочется запеть, тем более, что 1 октября — это еще и Международный день музыки. Причем петь хочется независимо от возраста: ведь недаром 1 октября — еще и День пожилого человека. Не забудьте поздравить ваших дедушек и бабушек! А что на улице ветер — так это иногда бывает очень полезно.

3 октября. Например, Астафьев день считается одним из самых ветреных в году, но зато по астафьевым ветрам можно судить о будущем. «На Астафья примечай ветер, — гласит народная мудрость, — северный — к стуже, южный — к теплу, западный — к мокроте, восточный — к ясной погоде и хорошему урожаю». А вот родившийся как раз 3 октября 1919 года, 80 лет назад, литовский поэт Эдуардас Межелайтис назвал один из своих сборников так: «Ветер родины».

4 октября. Конечно, ветер родины — самый добрый, самый теплый. Ведь на родине — твой дом, твоё жилище. В первый понедельник месяца (а это как раз 4 октября) во многих странах отмечается Международный день жилья.

6 октября. Разные дуют на свете ветры, поднимают волны, несут по волнам корабли. И бризы, и муссоны, и пассаты изведаль за долгие годы своей жизни норвежский путешественник, этнограф, историк, писатель Тур Хейердал, отмечающий 6 октября 85-летие. Он пересекал океаны и на плоту, и на суденышке, в точности повторявшем очертанья древнеегипетского корабля...

9 октября. Не меньше его интересовался историей и жизнью разных народов русский археолог, живописец, писатель Н. К. Рерих. Ему исполнилось бы 125 лет, он родился в 1874 году. Долгие годы уединенно прожил Рерих в Индии, откуда по всему миру почта разносила его многочисленные письма к друзьям и коллегам... Ну как тут не отметить Всемирный день почты! И, конечно, День культуры, тоже выпадающий на 9 октября.

14 октября. Вот такие праздники принесены нам ветрами истории. Но бывают и разрушительные ветра — ураганы и смерчи, все сметающие на своем пути. Знакомы людям и другие грозные явления природы. Чтобы лучше противостоять им, ООН учредила Международный день по уменьшению опасности стихийных бедствий: он приурочен ко второй среде октября — значит, в этом году к 14 октября — и будет отмечаться вплоть до 2000 года.

15 октября. А следующий праздник, о котором мы расскажем, не имеет временных ограничений. 15 октября во Франции отмечается Праздник чтения. По установившейся традиции в библиотеках, музеях, книжных магазинах и типографиях устраиваются выставки, посвященные знаменитым писателям. Наверное, в этом году наши французские друзья не забудут ни о 190-летию русского поэта А. В. Кольцова, ни о 175-летию поэта И. С. Никитина, ни о 185-летию со дня появления на свет М. Ю. Лермонтова. Ведь их имена известны всему миру!

16 октября. И еще об одном писателе не забудут, разумеется, на Празднике чтения — об английском, написавшем среди прочего удивительные сказки, собранные в сборнике «Счастливый принц», — о родившемся 16 октября 1854 года Оскаре Фингале О'Флаэрти Уиллсе Уайльде. До чего же сложное имя!

17 октября. Ерофей — имя куда более простое, хоть и не очень сейчас распространенное, но вещи в наступивший Ерофеев день, по народному поверию, происходят самые удивительные. Ветер воеет по лесам, птицы не смеют садиться на ветки, в чащобе буйствуют лещи — ломают деревья, гоняют зверей, кричат, хохочут, хлопают в ладоши. Поэтому 17 октября крестьяне в лес не ходили, сидели дома.

20 октября. Об этом, между прочим, можно прочитать в Энциклопедическом словаре Ф. Ф. Павленкова, замечательного книгоиздателя, родившегося в 1839 году, 160 лет назад. Помимо словаря, он издавал собрания сочинений классиков русской и западной литературы, серии книг для детей.

24 октября. Поэтому мы, конечно, вспомним о нем, отмечая Всемирный день информации в целях развития.

30 октября. И, отмечая День памяти жертв политических репрессий, вспомним о нем опять — ведь Павленков, издатель-демократ, 10 лет провел в царских ссылках и тюрьмах из-за своих демократических взглядов.

Мы надеемся, что в нашей стране никогда больше никого не будут преследовать по политическим соображениям — и желаем вам теплых октябрьских ветров!

Рис. Н. Якубовской

Ежемесячный журнал
для школьников
«КОСТЕР»
СЕНТЯБРЬ, 1999

Издается с июля 1936 года
Учредители: ТОО «Журнал "Костер"»,
Совет СПО-ФДО, Совет ФДО
«Юная Россия»,
СДО С.-Петербурга и области
© «Костер», 1999.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакция: Н. Ю. ЖУЛАНОВА, Л. М. МОСКОВСКИЙ, Е. М. ПОЖИДАЕВА, М. В. ТАХИСТОВА, Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ (зам. главного редактора).

Адрес редакции: 193024, Санкт-Петербург,
ул. Мыггинская, 1/20. Телефон: 274-15-72.

Сдано в набор 01.09.99 г. Подписано в печать 14.09.99 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл.
кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 7100. Заказ № 425. ОАО
«Иван Федоров». 191119. Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, 11.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются, а решения по ним сообщаются.

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати. Рег. № 012647.

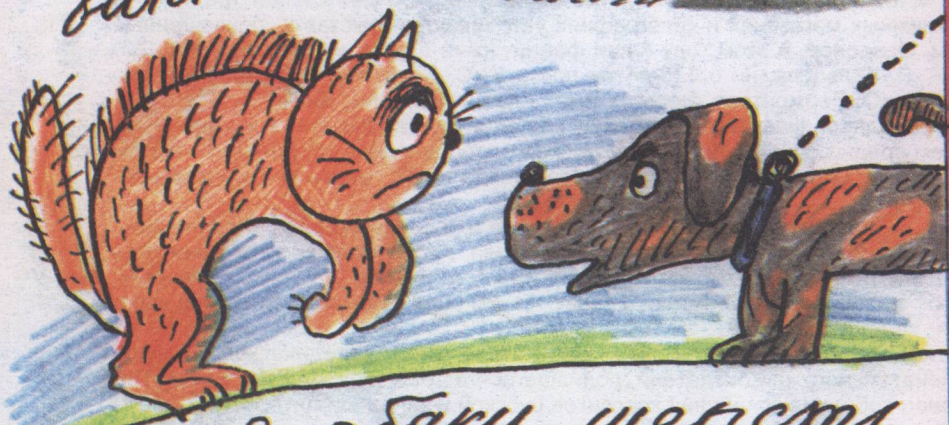
ВЕСЕЛЫЙ
ЗВУЧОК

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ
ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Медсестра
делала
школьникам
приколы.

Из рыбы трески изго-
тавливают
консервные
банки.

увидев собаку, шерсть
у кошки встала на дыбы.

ФРАЗЫ ПРИСЛАЛИ: Витя Замятин
(г. Москва), Коля Суценко
(Талды-Курганская обл.),
Ира Блохина (г. Кизляр).

Мини-рассказы

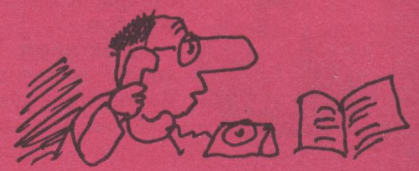
Андрей УСАЧЕВ

Лежат кирпичи на стройке.
Один из них кричит:
— Ребята, спасайтесь, кто
может! Каратисты идут!

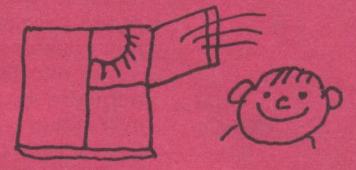
Встречаются два удава-шпио-
на. Один — другому:
— По-моему, за мной — хвост!

А вы слышали
анекдот?..

Отец школьника звонит по те-
лефону другому отцу:
— Иван Иванович, ты задачу
решил? Дай списать!

— Мама, какая сегодня темпе-
ратура?
— Двадцать пять градусов.
— А дома?
— Двадцать.
— Открой форточку, пусть эти
пять градусов войдут в комнату!

— Сережа! Что ты опять на-
творил? Меня учительница снова
вызывает в школу!
— А что я мог натворить?
Меня вообще сегодня в школе не
было!

Анекдоты вспомнили: Витя
НЕХОРОШЕВ (г. Москва), Ира ЗА-
РУБИНА (Омская обл.), Юлия ЧУ-
ПИНА (Тюменская обл.).

Друзья! Иду от
вас новых „старых“
анекдотов!
Ваш учитель смеха